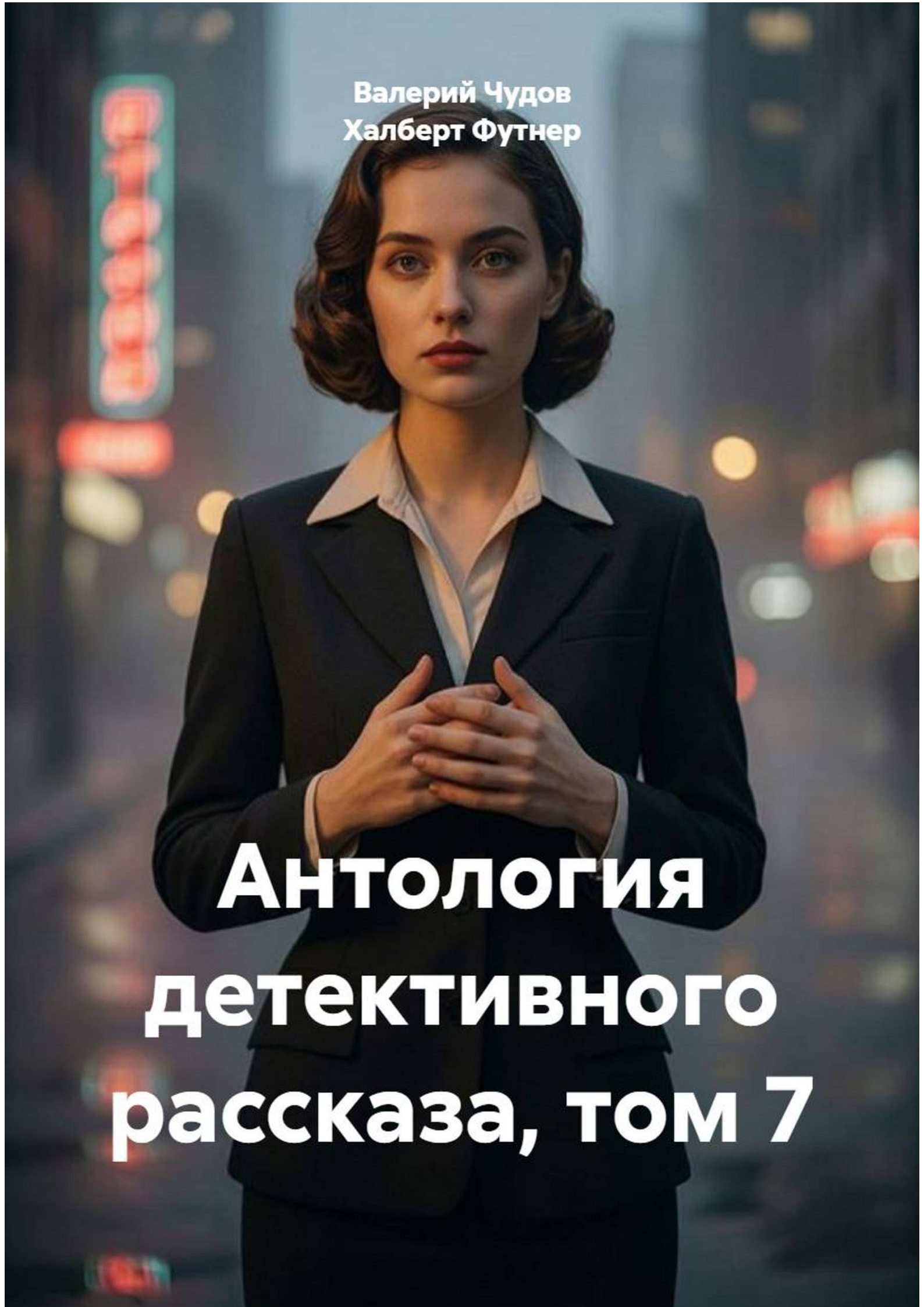

Валерий Чудов
Халберт Футнер

**Антология
детективного
рассказа, том 7**

Халберт Футнер

**Антология детективного
рассказа, том 7**

«Автор»

2026

Футнер Х.

Антология детективного рассказа, том 7 / Х. Футнер — «Автор», 2026

Аннотация В седьмой том «Антологии детективного рассказа» вошел сборник американского писателя канадского происхождения Халберта Футнера «Мадам Стори, психолог-детектив», состоящий из пяти больших детективных рассказов. Мадам Стори была одной из самых известных вымышленных женщин-детективов Золотого века детективного жанра. Это потрясающе красивая молодая женщина, которая описывает себя как «практического психолога, специализирующего на женском здоровье». Ее подход к раскрытию тайн оригинален и переносит читателя в новый мир. Ни одно произведение из седьмого тома на русский язык ранее не переводилось.

© Футнер Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Халберт Футнер	5
Убийство Эшкомба Пура	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Халберт Футнер

Антология детективного рассказа, том 7

Халберт Футнер

Мадам Стори, психолог-детектив

Халберт Футнер (1879 — 1944) — американский писатель, журналист канадского происхождения. Автор документальных и художественных произведений. Наиболее известен благодаря детективным и мистическим романам, включая популярную серию о женицине-следователе мадам Розике Стори.

Сборник «Мадам Стори, психолог-детектив» (Madame Storey's Way) впервые был опубликован в 1926 году. Авторское право США и России не нарушено.

Все произведения в сборнике ранее на русский язык не переводились.

Перевод Валерия Чудова

Убийство Эшкомба Пура

Глава 1.

Лучше всего я смогу рассказать вам об этой выдающейся женщине, моей работодателнице, через описание моей первой встречи с ней. Легко показать её качества в действии, чем описать их.

Однажды утром, которое ничем не отличалось от тысяч других, я ехала в офис на метро, когда мое внимание привлекло броское рекламное объявление:

«Требуется: деловая женщина, секретарь; здравый смысл — первостепенное требование».

Иногда напечатанные слова оказывают на человека необычайное воздействие. Что-то в этих лаконичных фразах так сильно зацепило меня, что, несмотря на занимаемую в то время солидную должность, я прервала свою поездку в офис и направилась напрямик по указанному адресу.

Дом находился на Грэмерси-сквер. Это оказалось одно из тех добротных старинных зданий, в которых помещения были перестроены в шикарные квартиры, чем-то похожие на студии. Говорят, что молодожены из старых семей «никербокеров» (коренных жителей Нью-Йорка) любят селиться в этом районе. Когда я подошла к двери, со всех трех сторон стекались другие женщины. Мальчик в холле, типичный нью-йоркский тип, оглядел нас с ухмылкой и, не спрашивая, чем мы занимаемся, сказал:

— Мадам Стори еще не спустилась. Вам остается только подождать ее в передней комнате.

Я наедине спросила его, чем занимается мадам Стори.

— Понятия не имею! — дерзко ответил он. — Она не тусуется ни с кем.

Ее апартаменты располагались на первом этаже, в передней части старого особняка. Помещение, куда я вошла, было, очевидно, всего лишь приемной, но какой приемной! Стены увешаны бесценными гобеленами, для секретаря стоял стол эпохи итальянского Возрождения, для клиентов — такие же стулья, а тут и там — кусочки китайского фарфора, создающие яркие цветочные пятна. Признаюсь, я с некоторым сомнением смотрела на все это великолепие; почему-то оно не казалось мне достаточно респектабельным. Все это время я гадала, чем же занимается мадам Стори.

Там в ожидании находилось около двадцати женщин; стульев явно не хватало, поэтому большинство из нас стояло. Было забавно наблюдать, как каждая из них усердно пыталась изобразить здравый смысл. Все посмотрели на меня, когда я вошла, с выражением лиц, которые говорили так же ясно, как и слова: «Можете уходить, вам здесь не место!» Это несколько смутило меня, пока я не заметила, что на вновь прибывающих смотрят такими же взглядами. Без сомнения, так и я на них смотрела. Нас и без того собралось уже слишком много. Зачем же еще приезжать, думали те, кто прибыл раньше?

Мы представляли собой разношерстную толпу в возрасте от семнадцати до семидесяти лет. Женщины, явно ни на то не способные в жизни, поспешили сюда, чтобы поделиться с мадам Стори своим «здравым смыслом». Можно было заметить, что определений здравого смысла существовало столько же, сколько было женщин. Некоторые считали разумным раскрашивать лица, как на вывеске при входе в парикмахерскую; другие, и их было больше, полагали, что разумная женщина должна коротко стричь волосы, надевать ужасную пародию на мужскую одежду и морщить лоб, как обезьяна. Что касается меня, то, увидев столь изысканный интерьер, я осознала несоответствие своего веснушчатого, рыжеволосого образа такой обстановке. У меня не было никаких шансов получить эту должность, но за всем этим было так забавно наблюдать, что я осталась.

Мы ждали час, обмениваясь надменными взглядами. Но никто не устал и не ушел. По истечении этого времени мальчишка их холла с размахом распахнул дверь и впечатляюще объявил:

— Мадам Стори, дамы.

Наступила драматическая пауза, пока мы, затаив дыхание, ждали, не отрывая глаз от открытой двери. Еще не увидев её, мы услышали её голос; она говорила с мальчиком снаружи неспешным, завораживающим тембром, по звучанию напоминающим низкие ноты гобоя. Затем она вошла, и из уст всех нас, женщин, вырвался вполне слышимый вздох. Не знаю, чего мы ожидали, и уж точно не то, что увидели.

Она была очень высокой и необычайно грациозной. Невозможно было представить ее ноги в связи с движениями. Она вплыла в комнату, словно силуэт, несомый ветром. Мадам Стори была темноволосой красавицей с той дерзкой манерой поведения, который заставляет женщин более простой внешности прихорашиваться.

На ней было необыкновенное платье из бежевого шелка, расшитое едва заметным золотым узором, состоящее из длинных полос, которые подчеркивали ее рост и стройность, и не украшенное никакой отделкой. На голове у нее была странная маленькая шляпка того же цвета, с изысканным плюмажем, обвивающим поля. Все это было прекрасно, но женщин поразило то, что в ложбинке ее руки уютно устроилась черная обезьянка, одетая в жакет цвета «ирландской зелени», и шутовской колпак, украшенный крошечными золотыми колокольчиками.

Она окинула нас взглядом, в котором едва заметно читалась насмешка, и бросила взгляд на обезьянку, словно желая привлечь ее внимание к происходящему. Тем не менее, она явно была довольна тем, какой эффект произвело её появление. Я подозревала, что она задержалась снаружи специально для того, чтобы создать эту драматическую паузу.

Было забавно наблюдать за лицами ожидающих женщин, в которых сильное неодобрение боролось с желанием угодить. Что касается моей неприязнтельности к красоте, мне не нужно завидовать другим женщинам. Я поняла, как только увидела мадам Стори, что хочу эту работу, и хочу очень сильно. Во-первых, по-настоящему красивая женщина — это неизменное наслаждение для моих глаз; во-вторых, что-то подсказывало мне, что тот, кто будет работать на нее, будет наблюдать «Жизнь с большой буквы». В тот момент меня мало волновало, чем она занимается.

Она заставила нас долго ждать, но, оказавшись в приемной, ускорила процесс. Без всяких предисловий она повернулась к женщине, стоявшей ближе всего к двери — это была женщина почти мужского типа, о которой я упоминала, — и с улыбкой сказала:

— Вам больше не нужно ждать.

Женщина ахнула и побледнела.

— Почему... почему... — начала она.

— Я лишь хотела избавить вас от лишней траты времени, — любезно произнесла мадам Стори.

Женщина фыркнула, окинула нас всех взглядом, крепко сжала зонт посередине и, пошатываясь, вышла.

Следующей была милая молодая женщина лет сорока с лишним, которая склоняла голову набок и ерзала плечами, когда мадам Стори смотрела на нее.

— Вам не нужно ждать, — повторила хозяйка.

Третьей была женщина средних лет с решительным видом. Когда мадам Стори повернулась к ней, она напряглась, тяжело задышала и приготовилась стоять на своем.

Мадам Стори покачала головой с пренебрежительной улыбкой.

— Но я же здравомыслящая женщина, — настаивала другая. — Все говорят, что во мне нет места глупостям.

Некоторые из нас были настолько невежливы, что рассмеялись.

— Я в этом не сомневаюсь, — согласилась мадам Стори, — но вы не тот человек, который мне нужен.

— Я настаиваю на объяснении!

— Конечно. Видите ли, я вам не нравлюсь. Какой от этого толк?

Женщина вышла с растерянным видом.

Так всё продолжилось и дальше. Через пять минут комната была практически полностью очищена. Когда она направлялась ко мне, моё сердце сжималось всё сильнее и сильнее, ведь я очень хотела получить эту работу. Но, похоже, она совсем меня проигнорировала, и когда она завершила свой обход, я оказалась одной из трёх оставшихся. Две другие были красивыми, уверенными в себе, хорошо одетыми девушками, и я сказала себе, что у меня такие же шансы против них, как и против традиционного снежного кома внизу.

Мадам Стори заявила:

— Я буду принимать вас, молодые леди, по одной в моем кабинете.

Две другие настойчиво двинулись вперед, и каждая пыталась быть первой, но я держалась позади. Я аргументировала это тем, что она не будет ни с кем начинать разговор, пока не поговорит со всеми тремя, а, как известно каждому юристу, последнее слово имеет значительные преимущества.

Первая девушка, элегантная блондинка в строгом костюме, пробыла внутри не более двух минут. Она вышла оттуда покрасневшая и растерянная.

— Ну что? — одновременно спросили мы ее.

— Даже слова не дала сказать! — сердито воскликнула она. — Предложила сигарету. Раз уж она предложила, я поняла, что она курит, поэтому решила взять — не хотелось показаться слишком правильной. А я ведь к ним не привыкла. Взяла и закашлялась. Она просто встала и сказала «Всего хорошего».

Вторая девушка, выглядевшая рассудительной, вошла внутрь. Но ее собеседование длилось не более тридцати секунд. Вернувшись, она выпалила, даже не дожидаясь моего вопроса:

— Эта женщина, на мой взгляд, просто не в своем уме! И сигарету мне тоже предложила. Ну, я не собиралась повторять ошибку другой девушки. Я отказалась. Сказала, что не курю. Она просто указала на внутреннюю сторону моего указательного пальца правой руки и встала. Палец просто немного пожелтел. Чего она ожидает! Сама-то дымит как паровоз!

Я вошла в следующую комнату, и сердце в груди замерло. Это была чудесная комната: больше похожая на небольшую галерею в музее, чем на женский кабинет; современный музей, где понимают, как важно не выставлять все напоказ. При всей своей роскоши, в ней ощущалась изысканная строгость расстановки, и каждый предмет был совершенен в своем роде. В тот момент я этого не оценила. Только когда я познакомилась с этим поближе, то поняла, с каким вкусом был подобран и расставлен каждый предмет.

Мадам Стори сидела за большим столом спиной к двум окнам. На краю стола сидела маленькая обезьянка в зелёном жакете, уперев руки в колени и раскачивая ногами до нелепости по-человечески. Она серьезно смотрела в лицо своей хозяйке, а та разговаривала с ней.

— Это наш последний шанс, Джаннино. Если и этот нам не удастся, завтра нам придётся снова проверить всю эту глупость.

Обезьяна сочувственно пискнула и окинула меня взглядом.

Мадам Стори жестом пригласила меня подойти к стулу.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Мисс Брикли.

— Ваше имя? Оно помогает понять человека.

— Белла.

— А! — произнесла она и, бросив на меня проницательный взгляд, пододвинула ко мне большую серебряную коробку сигарет.

Я уже решила, что буду делать.

— Спасибо, я не курю, — сказала я.

— Надеюсь, вы не возражаете, — проговорила она, беря сигарету.

— Нет, конечно, — ответила я. — Я могла бы приобрести эту привычку так же быстро, как и любой другой, но это повлечет дополнительные расходы. Мне нужно это учсть.

— А! — воскликнула она и оставила эту тему. В любом случае, сигаретой меня не подловили.

Она пристально смотрела на меня. Взгляд был доброжелательным, но мне было ужасно неловко. Я ненавижу, когда на меня смотрят; ведь я такая невзрачная. Вопреки себе, я выпалила:

— Полагаю, вы думаете, что я не стану украшением этого заведения!

— Да, — довольно спокойно ответила она. — Но я также подумала, что вы не так уж плохи, как сами себя считаете. У тебя очаровательные волосы.

Мои змеевидные рыжие локоны очаровательны! Я с изумлением посмотрела на женщину.

— Это создало бы эффектный цветовой акцент на фоне моих зеленых гобеленов, — продолжила она. — Знаете, не нужно так заикливаться на своих проблемах.

Ее неожиданность меня немного встревожила. К сожалению, когда я нервничаю, то начинаю злиться.

— Вы разумная женщина? — спросила она с безразличным видом.

— Не знаю, — резко ответила я. — Я никогда об этом не задумывалась.

— Это обнадеживает. Расскажите, о чем вы думали, когда только что вошли.

— Что ж, — решила я, — из опыта двух моих предшественниц мне стало ясно, что они сами себя обрекли на отказ, притворяясь; первая притворялась, что курит, хотя не курила, а вторая — что не курит, хотя курила. Поэтому я решила не беспокоиться о вашем мнении, а быть максимально честной.

Она рассмеялась.

— Слышишь, мой Джаннино?

Обезьянка скорчила мне гримасу. Мы с ним так не ладили.

— Значит, вы хотите получить эту работу? — спросила мадам Стори.

— Да, хочу.

— Почему?

— Потому что я думаю, это будет захватывающе.

Она пожала плечами.

— Я предоставлю вам пробный период, — небрежно произнесла она.

Я едва могла поверить своим ушам. Добившись своего, я уже несколько не сомневалась, что смогу стать незаменимым сотрудником.

— У вас есть не только зачатки здравого смысла, но и прекрасная душа, — добавила она, пристально глядя на меня своим проницательным взглядом.

Я лишилась дара речи.

— Вы удивлены, что я хвалю вас прямо в лицо? Это не в моем стиле. Но вы, очевидно, страдаете от недооценки. Эти две уродливые морщинки между вашими бровями появились из-за убеждения, что вы слишком невзрачны и неинтересны, чтобы когда-либо найти себе место в этом мире. И так оно и будет, если вы сами так считаете. Но ведь можно думать иначе. Избавьтесь от этого хмурого выражения, и ваше лицо покажет то, что встречается реже красоты: характер, индивидуальность. Это от вас не отнимет даже само Время. — Она повернулась к обезьянке. — Я думаю, это то, что мы искали, Джаннино.

Мне казалось, что эта странная женщина проникла в мою душу.

— Вы сейчас работаете? — резко спросила она.

— Да.

— Какова ваша зарплата?

Я назвала ей.

— Я удвою сумму, мисс Брикли. Это будет справедливо, потому что я буду предъявлять к вам большие требования.

Я попытался выдавить из себя благодарность, но с трудом сдержался.

— У вас есть ко мне вопросы? — спросила она.

— Чем вы занимаетесь? — неуверенно выдавила я.

— Скоро сами увидите, — сказала она с улыбкой. — Уверяю вас, это совершенно честно. Можете называть меня практическим психологом, специализирующимся на женском здоровье.

Глава 2.

Большинство из вас помнят, как убийство Эшкомба Пура потрясло весь город. Богатство и социальное положение жертвы, а также скандальные подробности его личной жизни, которые начали всплывать наружу, подогрели общественный интерес к сенсации до предела. Годами имя Эшкомба Пура не сходило со страниц газет, и теперь обстоятельства его смерти казались грандиозной кульминацией захватывающей историей.

В тот день, когда новость впервые появилась в газетах, мадам Стори пришла в редакцию только в полдень. Она была очень просто одета и носила плотную вуаль, которая частично скрывала ее лицо. К этому времени я уже привыкла к таким метаморфозам в одежде. Из маленькой сумочки она достала несколько предметов и передала их мне. Это были: (а) спутанный моток тонкой зеленой веревки, (б) кусок переливающегося шифона, частично обгоревший, (в) конверт с семью окурками.

— Несколько фрагментов улики по делу Эшкомба Пура, — объяснила она. — Поместите их в безопасное место.

Я как раз читала газетный репортаж.

— Что! Мы уже занимаемся этим делом? — воскликнула я. Мадам Стори посоветовала мне говорить о наших делах от первого лица множественного числа, и, конечно, это меня польстило.

— Нет, — сказала она, улыбаясь, — но, возможно, это так. Во всяком случае, я подготовилась, осмотрев местность.

В глубине её кабинета находилось помещение поменьше, которое она использовала как комнату отдыха и переодевания. Там она теперь переделалась в более подходящий наряд.

Два дня спустя она заметила:

— Судя по всему, сегодня нам позвонят из прокуратуры.

И действительно, еще до полудня появился помощник окружного прокурора Баррон. Несмотря на молодость для такой ответственной должности, он был способным человеком и занимал ее на протяжении нескольких последующих администраций. Я видела его впервые, хотя оказалось, что он был давним приятелем мадам Стори. Статный, полный жизни мужчина, чьей слабостью было то, что он был слишком высокого мнения о себе.

Я проводила его в личный кабинет работодателя и вернулась к своему столу. Между столом мадам Стори и моим установлен диктограф, и когда он включен, я должна подслушивать и записывать любой разговор, который может происходить. Иногда, к моему огорчению, она выключает его в самый волнующий момент, но чаще, я уверена, оставляет включенным из чисто доброй воли, потому что знает, насколько мне это интересно. Мадам Стори любезно говорит, что ей нравится, когда я обладаю полной информацией, чтобы она могла обсудить со мной все детали.

Теперь цепь замкнулась, и я услышала, как он сказал:

— Боже мой, Роуз, ты прекраснее, чем когда-либо!

— Спасибо, Уолтер, — сухо ответила она. — Диктограф включен, и моя секретарша слышит все, что ты говоришь.

— Ради всего святого, выключи его!

— Сейчас я не могу, иначе она бы представила себе худшее. Придется ограничиваться делами. Полагаю, ты пришел ко мне по поводу дела Эшкомба Пура.

— Что заставило тебя прийти к такому выводу?

— О, давно пора было приехать.

— Хм! Полагаю, это должно было прозвучать остроумно. Если бы не такая уверенность в себе, ты была бы замечательной женщиной, Роуз. Но это твоя слабость. Тебе кажется, что ты всё знаешь.

— Ну, тогда, зачем же ты пришел ко мне?

— Действительно, по делу Эшкомба Пура. Но это просто удача с твоей стороны. Полагаю, ты читала, что меня назначили вести это дело.

— Уолтер, ты хороший прокурор, но тебе не хватает чувства юмора.

— Что ж, в своей области ты совершенно права, особенно в вопросах женской психологии и всего такого. Я с удовольствием тебе в этом признаюсь. Но проблема в том, что ты хочешь указывать мне, как вести мою работу.

— Никто бы с этим не справился, Уолтер.

— Что ты имеешь в виду?

— Неважно. А как обстоят дела с Пуrom?

— Полагаю, ты уже читала газеты.

— Да, но они ничуть не ближе к истине, чем обычно. Изложи ситуацию так, как ты её видишь.

— Ну, ты же знаешь семью Эшкомба Пура. Высшие слои общества; почтенная старинная семья, деньги и все такое; лидеры в ультрамодном кругу Принс-Вэлли на Лонг-Айленде. У них есть, как они говорят «небольшой домик» в Гримстед, где они делают вид, что живут в тихо и спокойно; это сейчас в моде.

— Иными словами, это невероятно простая жизнь.

— Именно. У них не было детей. Домочадцы: мистер и миссис Пур, мисс Филиппа Дин (секретарь миссис Пур), экономка миссис Баттен, дворецкий и три горничные; были и внешние слуги — шофер, садовник и так далее, но они не имеют отношения к делу. Эшкомб Пур был красивым мужчиной и любителем широкой жизни. О нем всплывали разные подробности — ну, ты понимаешь. С другой стороны, его жена была выше всяких скандалов, необыкновенная красавица...

— Винтаж 1910 года.

— Ну, пожалуй, но она все еще в строю. Эти женщины умеют поддерживать свою внешность. Она занималась благотворительностью и все такое. Пользуется большим уважением. В понедельник вечером миссис Пур приняла участие в большом мероприятии в загородном клубе «Пудинг-Стоун» недалеко от их дома. Что-то вроде костюмированного представления «Парад всех наций». Ее муж, которому такие мероприятия не нравились, остался дома. То же самое сделали мисс Дин и миссис Баттен. Миссис Пур взяла остальных слуг посмотреть на представление.

— Значит, в доме оставались только трое.

— Да, мистер Пур, мисс Дин и миссис Баттен.

— Продолжай.

— Миссис Пур вернулась с представления около полуночи. Миссис Баттен впустила ее через парадную дверь. Стоя там, две женщины могли видеть библиотеку, где Пур сидел к ним спиной. Их поразило что-то странное в его поведении, и они, решили разобраться, в чем дело.

Миссис Баттен первой поняла, что случилось, и попыталась не дать миссис Пур приблизиться к телу. Они боролись. Миссис Пур закричала. Внезапно появилась девушка, Филиппа Дин; никто не может сказать, откуда. Через мгновение другие слуги, которые обошли дом сзади, вбежали внутрь.

Ну, вот, такая создалась ситуация. Ему выстрелили в спину. Пистолет находился там. Дворецкий позвонил друзьям семьи и в полицию. Гримстед, как вы знаете, находится в черте города, поэтому дело подпадает под нашу юрисдикцию. Меня уведомили о случившемся в течение часа и поручили лично заняться этим делом. Обстановка на месте происшествия осталась нетронутой. Я приказал арестовать девушку Филиппу Дин, и она до сих пор находится под стражей.

— Что тебе от меня нужно? — спросила мадам Стори.

— Я хочу, чтобы ты поговорила с этой девушкой. Честно говоря, она меня сбивает с толку. Во время допроса она сломалась еще до утра и призналась в убийстве хозяина. Но на следующий день она отказалась от своих слов и упорно стоит на своем, несмотря на все наши усилия. Я хочу, чтобы ты встретила с ней и добила от нее настоящего признания.

— А что насчёт адвокатов девушки?

— У неё пока нет ни одного. Отказалась видеться с ними.

— Ты уверен, что это сделала она?

— Безусловно. Сразу стало очевидно, что убийство совершил один из обитателей дома.

— Почему?

— Потому что, когда миссис Пур и слуги ушли развлекаться, миссис Баттен, выпустив их, включила сигнализацию, которая оставалась включенной, пока она снова не впустила свою хозяйку. Одним из первых моих действий по прибытии в дом было убедиться, что сигнализация работает исправно. Я также осмотрел все двери и окна. Все было в порядке.

— Почему это не могла сделать экономка?

— Простая, робкая старуха! Невозможно! Никакого мотива. Кроме того, если бы он был, она, вряд ли, дала бы мне главное доказательство против тех, кто находился в доме; я имею в виду ее показания о сигнализации.

— Какой мотив мог быть у девушки?

— Слуги утверждают, что их хозяин приставал к ней, навязывая свое внимание.

— А! Но это, конечно, лишь предположение. Что еще есть у тебя?

— Эшкомб Пур был застрелен из автоматического пистолета, принадлежащего мисс Дин. Дворецкий опознал его. Сначала она отрицала, что он принадлежит ей. Однако девушка не могла отрицать, что у нее есть похожий пистолет, а когда ее попросили предъявить его, она не смогла этого сделать. Его не было среди ее вещей.

— Где именно нашли пистолет?

— В руке покойного.

— В его руке?

— Под его рукой, я бы сказал. Его засунули туда в неуклюжей попытке создать видимость самоубийства. Рука была сжата на оружии. Но мужчина был ранен сзади, между лопатками. Он никак не мог сделать это сам. Пуля прошла насквозь через его тело, и я обнаружил её застрявшей в стене напротив.

— Слышала ли экономка выстрел?

— Нет. Она находилась в другом крыле дома.

— Есть ещё что-нибудь против девушки?

— Да. Когда девушка появилась, привлеченная криком миссис Пур, то она была полностью одета, хотя, как предполагалось, удалилась на покой некоторое время назад. Более того, она знала о случившемся еще до того, как ей кто-либо об этом рассказал.

— А! Как она объясняет эти подозрительные обстоятельства?

— Она ничего не объясняет. Отказывается говорить.
— Какую историю она рассказала, когда призналась?
— Никакую. Просто кричала: «Я это сделала! Я это сделала! Больше ни о чем не спрашивайте!»

Наступила тишина, во время которой мадам Стори, по всей видимости, обдумывала услышанное. Наконец она сказала:

— Я увижусь с девушкой, но только на моих условиях.
— Каких?
— Я, как независимый следователь, не представляю интересы прокуратуры.
— Ну, в этом нет ничего плохого.
— Но ты должен понимать, что это подразумевает. Ни ты, ни кто-либо из ваших людей не должны присутствовать во время моего разговора с ней. И я не обязуюсь рассказывать тебе всё, что она мне расскажет.
— Это исключено. Что скажет «старик», если узнает, что я отдал её постороннему?
— Ну, это, конечно, решать тебе, — равнодушно произнесла мадам Стори. — Ты же сам ко мне пришел.
— Ну... ладно, — произнес он угрюмо. — Полагаю, если она признается, ты мне сообщишь.
— Конечно. Но я совсем не уверена, что всё закончится так, как ты ожидаешь.
— После всего, что я рассказал?
— У тебя слишком убедительные доказательства против неё, Уолтер.
— А кто еще мог это сделать?
— Я не знаю... пока. Если это сделала она, зачем ей было оставаться в доме, до того, как ты её арестовал?
— Она предположила, что это будет расценено как самоубийство.
— Но, по твоим словам, и годовалого ребенка так не обмануть.
— Ну, никогда не знаешь наверняка. Они вечно совершают глупости. Поедешь в тюрьму «Гробницы»? Я закажу там комнату.
— Нет, я должна встретиться с этой девушкой здесь.
— Это невозможно!
— Прости, но это моё неизменное правило.
— Ну, будь милосердна, Роуз. Я не смею отпускать её из-под своей опеки.
— Тогда ты и твои люди можете подождать за дверью.
— Это совершенно не по правилам.
— Я человек нестандартный, — последовал безразличный ответ. — Тебе не следовало ко мне обращаться.
— Что ж, полагаю, у тебя должен быть свой собственный подход.
— Это мой метод работы. Вместе с девушкой пришли стенограмму всех показаний, которые были записаны по делу.
— Хорошо. Роуз, выключи этот проклятый диктограф, ладно? Я хочу поговорить с тобой наедине.
— Выключаю.
Однако это было не так, потому что я продолжала слышать каждое слово.
— Боже мой, Роуз, зачем ты так упорно пытаешься меня вывести из себя?
— Помилуй, Уолтер! Но каким образом?
— Ты же знаешь! Твоим холодным и презрительным видом, твоим равнодушием... Это... это всего лишь тщеславие. Твое тщеславие просто смехотворно!
— Ах, если ты собираешься обзывать меня, я включу диктограф!

— Нет, не надо, не надо! Я почти ничего не соображаю, ты меня просто выводишь из себя! Почему ты не можешь быть со мной по-человечески, Роуз? Почему ты не хочешь принять меня? Мы созданы друг для друга!

— Ты всегда так говоришь.

— Неужели ты ничего не чувствуешь за этой презрительной улыбкой? Ты живая женщина или холодное, бессердечное чудовище?

— Боже мой, я не знаю.

— Тебе нужен хозяин!

— Конечно. Почему бы тебе не стать моим господином, Уолтер?

— Не дразни меня. У мужчины есть предел! Ты возбуждаешь во мне желание схватить тебя и причинить боль.

— Не делай этого. Ты испортишь мое красивое платье. К тому же, Джаннино укусит тебя за шею.

— Не дразни меня. В моих объятиях ты была бы беспомощна. Ты постоянно ищешь себе господина.

— Я имела в виду, Уолтер, господина моей души.

— Я не понимаю тебя.

— Посмотри на меня! Ты не можешь стать моим господином. Моя душа сильнее твоей, Уолтер, и ты это знаешь в глубине своей души.

— Ты несёшь чушь!

— Не говори так. В этом-то и вся моя трагедия, если бы ты только знал. Мне еще не встречался мужчина, достаточно смелый, чтобы противостоять мне. Как я могу отдаться тому, чья душа тайно боится моей? Вот я и сижу здесь. Ты же знаешь, что имя «мадам», которое я себе присвоила, — лишь способ сохранить лицо. Никто бы не поверил, что такая красивая женщина, как я, может быть незамужней и при этом уважаемой. Но я и то, и другое — такая незавидная участь!

— Это твоя вина, что ты одинока. Ты слишком высокого мнения о себе. Ты притворяешься, что презираешь всех мужчин.

— Ну, если это блеф, почему бы какому-нибудь мужчине не разоблачить его?

— Я сделаю это прямо сейчас! Мне надоели эти издевательства. Ты должна выйти за меня замуж.

— Посмотри на меня, говоря эти слова, Уолтер.

Тишина.

— Ага... не можешь, вот видишь.

— Ах, Роуз, не мучай меня так! Разве ты не видишь, что я без ума от тебя? Ты лишаешь меня сна по ночам, и отвлекаешь от работы днем. Я жажду тебя, как путник в пустыне. Подумай, какой командой мы бы стали, Роуз. Нас бы ничто не остановило, кроме Белого дома.

К моему огорчению, диктограф внезапно выключили, но когда минуту или две спустя мистер Баррон выскочил из соседней комнаты, багровый от ярости, я догадалась, что ситуация не изменилась. Он промчался через комнату и выскочил за дверь, даже не взглянув в мою сторону.

Мадам Стори попросила меня прийти с блокнотом. Когда я вошла, она разговаривала с обезьянкой.

— Джаннино, тебе повезло больше, чем ты думаешь. Лучше быть бессловесной тварью, чем полоумным животным.

Малыш нахмурился и защебетал, как всегда, когда она к нему обращалась.

— Ты со мной не согласен? Поверь, мужчины скорее сядут в тюрьму, чем потрудятся мысленно взвесить всё как следует.

Глава 3

Эдди, мальчик из холла, и я, по крайней мере, внешне, подружились. В глубине души, думаю, Эдди всегда презирал меня, называя «Джейн Гут из амбара» — одно из его собственных выражений, — но поскольку он проявлял неподдельный интерес ко всему, что происходило в нашем офисе, то был обязан быть приветливым, чтобы получить доступ к тем источникам информации, которыми я обладала. Он, конечно, обожал мадам Стори — впрочем, как все мужчины, от юнцов до тех, кто постарше. Что касается меня, я не могла не испытывать симпатии к этому забавному сорванцу — он казался таким непосредственным.

Как и большинство мальчишек его возраста, он был одержим самолетами и авиаторами. В то время его кумиром был знаменитый лейтенант Джордж Грантленд, установивший множество рекордов. Грантленд только что отправился в трехдневный перелет из лагеря Таскер с остановками в разных пунктах, маршрут которого охватывал территорию страны к востоку от Миссисипи; чтобы следить за ходом полета, Эдди вынужден был каждый час покупать экстренные выпуски газет. Переполненный впечатлениями и, не имея другого собеседника, он приносил эти сообщения мне в комнату. Таков был его стиль — конечно, цифры я называю лишь приблизительно.

— Вот последние новости. «Приземлился в Новом Орлеане в четыре тридцать утра — на два часа раньше графика». Эх! Вот бы мне добраться до информационного стенда! «Поспал четыре часа и полетел дальше. Четыреста сорок две мили меньше чем за четыре часа». Дух захватывает, правда? Полушайте, этот парень — настоящий король воздуха. Летает и днем, и ночью. Для посадки ему включают специальные огни. И ни разу не пришлось садиться из-за неполадок. Вот фотография его самолета. Это тип «Бентли-Кричард». Новинка. Скорость 140 миль в час. 600 лошадиных сил. Представляете? Только подумайте, что вы летите на такой «упряжке» в 600 лошадиных голов сквозь облака. Ну и мощь!

Спустя два дня я была знакома с подвигами лейтенанта Грантленда почти так же хорошо, как и его поклонник. Каждые час-два Эдди показывал мне новую фотографию лихого летчика. Даже после того, как его сфотографировали под палящим солнцем и воспроизвели в газетной полутоновой печати, он оставался красивым молодым парнем.

Эдди был в самом центре событий, когда Филиппу Дин привезли из «Гробниц», но, поскольку она была, несомненно, «первоклассной дамой», его внимание на мгновение отвлеклось от газет. Помощник окружного прокурора не сопровождал ее. Необходимость ждать снаружи, полагаю, была слишком большим испытанием для его достоинства. Мисс Дин, эту стройную малышку, сопровождали двое огромных мужчин в штатской одежде. Во всяком случае, я была рада, что ее не заковали в наручники. Мое первое впечатление было благоприятным: ее глаза сразу же привлекли мое внимание. Они были большие, ясные, голубые, широко раскрытые под тонкими бровями, придавая ей выражение гордой искренности, в котором было что-то действительно трогательное; однако я уже узнала от мадам Стори, что душу женщины нельзя прочитать по глазам, поэтому воздержалась от суждения. Ее волосы были светло-каштановыми. Она была одета с той изысканной простотой, которая приводит в отчаяние недавно прибывших женщин. В данный момент она выглядела суровой и настороженной, а губы были сжаты в алую линию — но в ее положении это было неудивительно.

Мадам Стори вышла, услышав их. Какое первое впечатление она произвела на девушку, я сказать не могу, потому что в такие моменты ее лицо ничего не выдавало. Она пригласила двух детективов удобно устроиться во входной комнате, а мы, три женщины, прошли в большую приемную. Она жестом пригласила девушку сесть.

— Можете расслабиться, — сказала она, улыбаясь, — здесь никто не будет вас допрашивать с пристрастием.

Но девушка резко выпрямилась, сжав кулаки на коленях. Было больно видеть это напряжение. Мадам Стори принялась за дело, пытаясь снять его. Она сказала обезьяне:

— Джаннино, сними шляпу перед мисс Дин и передай ей, что мы желаем всего наилучшего.

Маленькое существо встало на стол, сдернуло колпак и что-то пробормотало на собственном языке. Это представление всегда вызывало улыбку, но губы девушки выглядели так, будто они забыли, как это делать.

— Помощник окружного прокурора попросил меня допросить вас, — начала мадам Стори дружелюбным тоном. — Будучи государственным обвинителем, он твердо намерен вас осудить, поскольку ему больше некого обвинить. Но я должна сказать вам, что не разделяю его мнения. Более того, этот человек настолько самоуверен, что мне было бы приятно доказать, что он ошибается.

Я понимала, что моя работодательница говорила это искренне, но, полагаю, бедная девушка на собственном горьком опыте убедилась: даже дьявол может быть сострадательным. Во всяком случае, эта речь на неё никак не повлияла.

— Надеюсь, вы поверите, что у меня нет иной цели, кроме как установить истину, — продолжила мадам Стори.

— Все так говорят, — пробормотала девушка.

— Убедитесь сами, можете ли вы мне доверять. Давайте, у нас есть весь день.

— Я обязана отвечать на ваши вопросы? — осведомилась девушка.

— Ни в коем случае, — последовал быстрый ответ. — Почему бы вам сначала не задать мне вопросы?

Девушка поверила ей на слово.

— Кто вы? — спросила она. — Мне ничего не говорили о вас.

— Мадам Розика Стори. Меня называют практическим психологом. Окружная прокуратура иногда оказывает мне честь, консультируясь со мной, особенно в случаях, касающихся женщин.

— От меня вы не вытянете никаких признаний!

— Я и не ожидаю этого. Я не верю, что вы это сделали. Ни одна здравомыслящая женщина не стала бы стрелять в мужчину между лопаток и рассчитывать на то, что это будет самоубийство. Во всяком случае, Эшкомб Пур, похоже, вполне заслужил свою участь. Ну же, откровенно говоря, вы это сделали?

Голубые глаза девушки сверкнули.

— Нет, я этого не делала.

— Хорошо! Тогда расскажите, что случилось ночью?

Девушка угрюмо покачала головой.

— Какой в этом смысл?

— Естественно, чтобы оправдаться.

— У них недостаточно доказательств, чтобы осудить меня. Они не смогут меня осудить, потому что я этого не делала.

— Это опасная позиция, дорогая. Подозреваю, у вас мало опыта общения с присяжными. Мужчины сочли бы молчание женщины не только неестественным, но и компрометирующим. Конечно, они могли бы и отпустить вас, если бы вы сообразовались строить им глазки, но, как я уже сказала, это рискованно. Зачем вы вообще признались?

— Чтобы избавиться от них. Они сводили меня с ума своими вопросами.

— Я это прекрасно понимаю. Ну и что же на самом деле произошло?

Девушка сжала губы.

— Я решила ничего не говорить, и буду придерживаться своего решения, — ответила она.

Мадам Стори развела руками.

— Хорошо, давайте поговорим о другом. Дин — в Нью-Йорке, это хорошая фамилия. Вы из нью-йоркской семьи?

— Мои предки живут здесь уже четыре поколения.

— Я читала о замечательном кавалере шестидесятых и семидесятых годов, Филиппе Дине. Вы с ним родственники?

— Он был моим дедушкой.

— Я могла бы догадаться об этом по вашему имени. Как интересно! Все летописи тех дней полны упоминаний о его остроумии и умении держаться на публике. Но он, должно быть, был богатым человеком. Как же так получилось, что вам приходится зарабатывать на жизнь собственным трудом?

— Обычная история: первые два поколения унаследовали семейное состояние, а следующие два его потеряли. Я принадлежу к пятому поколению.

— Что ж, полагаю, не просто так в семье может быть знаменитый бонвиван.

— О, никто не мог плохо говорить о моем деде. Он был благородным джентльменом. Я знала его с детства. Он тратил свои деньги на научные эксперименты, которые приносили пользу только другим. Мой бедный отец тоже не был виноват. Он потерял оставшиеся деньги, пытаясь отыграть убытки своего отца на Уолл-стрит.

— И вам пришлось полагаться только на собственные силы.

— О, я никогда не была жалким существом. Я могла найти работу. Всегда находились женщины, не очень уверенные в себе в социальном плане, которые с радостью брали на работу внучку Филиппа Дина.

— Так вы и оказались у миссис Пур?

— Нет, всё было по-другому. Миссис Пур не нуждалась ни в чьих рассказах. Её семья была такая же, как и моя. Но её муж путешествовал за границей, и она чувствовала себя одинокой. Она наняла меня в качестве компаньонки.

— Когда вернулся её муж?

Девушка нахмурилась.

— Теперь вы думаете, что этим подтолкнете меня к признанию, не так ли?

Мадам Стори рассмеялась.

— Полагаю, вы из тех молодых леди, которых невозможно завести дальше, чем они сами готовы пойти.

Мисс Дин подозрительно взглянула на меня.

— Она что, записывает все, что я говорю? — потребовала она объяснений.

— Пока я ей не скажу, — ответила мадам Стори.

— Он вернулся два месяца назад.

— Не могли бы вы описать мне их дом в Гримстеде? — попросила мадам Стори. — В этом ведь нет ничего плохого, не так ли?

Девушка пожала плечами.

— Нет. Это небольшой дом, учитывая их средства, и он выглядит еще меньше из-за того, что построен в стиле английского коттеджа, с низкими, выступающими карнизами и мансардными окнами. Вы входите через вестибюль и попадаете в квадратный холл. Этот холл двухэтажный и имеет галерею, опоясывающую три стороны. Слева находится библиотека; справа — небольшая гостиная; большая гостиная расположена в задней части холла, к ней примыкает столовая. Из этих двух комнат открывается вид на сад и ручей внизу. Между гостиной и столовой есть проход, ведущий в кухонное крыло. Помимо кладовой, кухни и прачечной, в том крыле размещаются комната экономки и столовая для прислуги.

— А что наверху?

— Собственные апартаменты мистера и миссис Пур расположены в задней части дома, над гостиной и столовой. Моя комната находится над библиотекой. Над приемной расположена гостевая комната. Все комнаты для прислуги находятся в кухонном крыле. Третьего этажа нет.

Мадам Стори сделала вид, что сверилась с записями на своем столе.

— Где же эта сигнализация, о которой так много говорили?

— Спрятана в щели между телефонной будкой и стеной у камина. Телефонная будка вмонтирована в стену сразу за дверью библиотеки, а камин находится рядом.

— Спрятана, вы говорите. И это было каким-то секретом?

— Нет. Об этом знали все в доме.

— А что за выключатель?

— Это всего лишь маленькая ручка, которая поднимается и опускается. Когда она поднята, сигнализация выключена; когда она опущена, сигнализация включена.

— Опишите, пожалуйста, слуг?

— Как описать слуг? Дворецкий, Бриггс... ну, он просто дворецкий, обходительный, почтительный, довольно эффективный. Горничные — обычные горничные. Ни одна из них не проработала там долго. В наше время слуги долго не задерживаются.

— А как насчет миссис Баттен?

Вопреки своему желанию, лицо девушки смягчилось, но в то же время в ее голосе появилась настороженность.

— О, она другая.

Мадам Стори не упустила из виду настороженный тон.

— Какая другая? — спросила она.

— Я воспринимала миссис Баттен не как служанку, а как подругу.

— Опишите её, пожалуйста?

Девушка, опустив взгляд, помолчала, прежде чем ответить. Ее смягченное лицо было совершенно очаровательным.

— Простая, добрая, материнская душа, — произнесла она с полуулыбкой. — Немного абсурдная, потому что ко всему относится слишком серьезно. Но, смеясь над ней, начинаешь к ней привязываться. Она не против, когда над ней смеются.

— У вас есть талант описывать персонажей! — призналась мадам Стори. — Я её прекрасно вижу!

Я начала ценить мастерство мадам Стори. Осторожно, нащупывая путь в общении с девушкой, она обнаружила у Филиппы талант к описаниям, которым та гордилась — возможно, девушка мечтала стать писательницей. Во всяком случае, когда ее просили что-либо описать, ее глаза становились яркими и отрешенными, и она на мгновение забывала о своем положении.

Мне казалось, что мы вот-вот наткнемся на что-то важное, но, к моему удивлению, мадам Стори прекратила расспрашивать о миссис Баттен.

— Опишите мне миссис Пур, — попросила она.

— Это сложнее, — без колебаний ответила девушка. — Она сложный человек. Мы очень хорошо ладили. Она всегда была добра, всегда очень внимательна. Действительно, она замечательная женщина, ничуть не испорчена тем, что перед ней пресмыкались. Но я не могу сказать, что знала ее очень хорошо, так как она всегда была сдержанной — я имею в виду не со мной, а со всеми. Иногда казалось, что ей хотелось бы расслабиться, но она так и не научилась.

— А хозяин дома?

Девушка слегка вздрогнула. Но, всё ещё, будучи занята изложением своих впечатлений, не встревожилась.

— Он был богатым человеком, — ответила она, — и сыном богатого человека. То есть, с самого детства ему ни в чём не отказывали. И всё же он был обаятельным — когда добивался своего; полным энергии и добродушия. Он нравился всем — то есть, почти всем.

— Он вам нравился? — спросила мадам Стори.

— Да, в каком-то смысле, но... — Она замолчала.

— Но что?

Она опустила голову.

— Я слишком много говорю, — тихо вымолвила она.

Мадам Стори, казалось, с облегчением оставила все это дело.

— Давайте выпьем чаю, — сказала она мне. — По печальным глазам Джаннино я вижу, что он ужасно голоден.

Я поспешила в соседнюю комнату. Мадам Стори, как обычно, начала разглагольствовать о пирожных, словно это были самые важные вещи на свете.

— Каждый день в это время после обеда мы с мисс Брикли и Джаннино развлекаемся. Нам присылают пирожные от кондитеров. Разве вы не любите пирожные с толстым слоем глазури? Я в этом плане немного ребячливая. Когда я была маленькой девочкой, то поклялась себе, что, когда вырасту, буду объедаться пирожными с глазурью.

Вернувшись, я увидела, что девушка, вопреки своему желанию, расслабилась еще больше. Ее глаза заблестели при виде большого серебряного блюда с пирожными. В конце концов, она была обычной девушкой, и я не думаю, что в тюрьме ей разрешили бы побаловать себя сладостями. Джаннино начал оживленно болтать. Получив свою порцию, он удалился на свое любимое место на вершине большой картины.

За едой и напитками мы говорили обо всем, о чем обычно говорят женщины: о пирожных, одежде, тенорах и прочем. Никто бы и не подумал, что в головах каждой из нас таилась мысль об убийстве. Девушка полностью расслабилась. Было очаровательно наблюдать за игрой ее выразительных глаз.

Мадам Стори, которая, несмотря на свою показную снисходительность, была очень воздержанна, доела пирожное и закурила неизбежную сигарету. Джаннино погладил ее по щеке, жалобно умоляя дать ему еще кусочек, но тарелку убрали с его пути. Мадам Стори, невзначай отложила сигарету, а Джаннино, который всегда был начеку в подобных ситуациях, схватил ее и, бормоча что-то, забрался наверх, к своему месту на портрете. Там он сидел с полужакрытыми глазами, вдыхая клубы дыма самым безудержным образом. Филиппа Дин громко рассмеялась; странно было слышать этот звук от нее. Мне пришлось забраться на стул, чтобы забрать сигарету. Половину своего времени я трачу на то, чтобы следить за этим маленьким негодником. Если я не заберу у него сигарету, ему становится плохо, но у него все равно не хватает здравого смысла оставить ее — как и у многих мужчин, которых я знала.

— Ну что ж, продолжим наш разговор? — небрежно произнесла мадам Стори.

Девушка развела руками.

— Вы ставите меня в невыгодное положение, — заявила она. — Мне так трудно вам противостоять.

— И не пытайтесь, — предложила моя работодательница, улыбаясь. — Можете делать записи, мисс Брикли. Не бойтесь, — добавила она девушке. — Это останется только между нами. Никто другой их не увидит. Вы говорили, что вам нравился мистер Пур — с оговорками.

— Я имела в виду, что можно было бы получить огромное удовольствие от его общества, если бы он довольствовался естественностью. Но он был из тех мужчин, которые гордятся своей... своей... как бы это сказать...

— Мужественностью?

— Именно. И, конечно, с таким мужчиной девушка обязана постоянно быть начеку.

— Слуги заявили, что он постоянно докучал вас своими ухаживаниями, — заметила мадам Стори.

Девушка опустила глаза.

— Они неправильно поняли, — пояснила она. — Мистер Пур вел себя со всеми женщинами подчеркнуто галантно, используя цветистые обороты, но это ничего не значило.

Мадам Стори взглянула на бумагу на своем столе.

— Дворецкий дал показания о том, что однажды вечером он видел, как мистер Пур схватил вас на лестнице и попытался поцеловать, после чего вы ударили его по щеке и убежали в свою комнату.

Мисс Дин сильно покраснела и ничего не ответила.

Мадам Стори, не настаивая на каком-либо конкретном вопросе, продолжила:

— Какие отношения были между мистером и миссис Пур?

— Откуда это может знать посторонний? — парировала девушка.

— Вы можете высказать своё мнение. Вы проницательный наблюдатель. Это поможет мне понять общую ситуацию.

— Ну, они никогда не ссорились, если вы это имеете в виду. Они всегда были дружелюбны и вежливы друг к другу. Конечно, не как влюбленные люди; миссис Пур, должно быть, знала, чем занимался ее муж, но она была религиозной женщиной, и любая мысль о расставании или разводе была для нее исключена. Я предполагаю, что она решила принять его таким, какой он есть, и постараться извлечь из этого максимум пользы. Такая холодная и замкнутая женщина, естественно, не стала бы страдать так сильно, как другая.

— Есть ли у вас информация о каких-либо событиях в жизни мистера Пура, которые могли бы пролить свет на обстоятельства его убийства?

— Нет, в подробностях никто в доме об этом ничего не знал. Он редко бывал с нами.

— Расскажите мне о ваших передвижениях в ночь трагедии, — настаивала мадам Стори. Лицо девушки мгновенно помрачнело.

— Бессмысленно меня об этом спрашивать, — заявила она. — Я не собираюсь отвечать.

— Но раз вы не совершили преступление, почему бы вам не помочь мне оправдать вас?

— Я не желаю говорить о своих личных делах, которые не имеют никакого отношения к этому делу.

Мое сердце забилось быстрее. Мы явно шли к важным открытиям. Но, к моему разочарованию, мадам Стори прервала разговор.

— Конечно, это ваше право, — сказала она. — Но подумайте: вам наверняка зададут эти же вопросы в суде перед изумленной толпой. Почему бы вам не привыкнуть к этим вопросам заранее, позволив мне их задать? Вы ведь здесь не под присягой. Можете отвечать на любые вопросы, как пожелаете.

Это был, безусловно, необычный способ проведения допроса. Даже девушка слабо улыбнулась.

— Ты умная, — призналась она, пожав плечами. — Спрашивайте, что хотите.

— Что вы делали в ночь трагедии?

С этого момента девушка снова стала сдержанной и настороженной. Она тщательно обдумывала каждое слово, прежде чем заговорить. Невозможно было не заметить, что она не всегда говорит правду.

— Я была в своей комнате.

— Всё время?

— Да, с обеда и до возвращения миссис Пур.

— Почему вы не пошли на карнавальное шествие?

— Эти дела мне наскучили.

— А вы ведь не собирались идти?

— Нет.

— Где была миссис Баттен вечером?

— Я не знаю. Предполагаю, в своей комнате.

- В какой части дома?
- Ее гостиная находится внизу, в кухонном крыле.
- Пожилая женщина. Разве она не боялась оставаться совсем одной в этой части дома?
- Не знаю. Мне это не приходило в голову.
- Вы её совсем не видели вечером?
- Нет.
- Где был мистер Пур?
- В библиотеке, как я поняла.
- Все время?
- Затрудняюсь сказать.
- Вы видели его или разговаривали с ним вечером?
- Нет.
- В доме никого, кроме вас троих, не было?
- Никого.
- Вы в этом уверены?
- Совершенно точно.
- Слуги свидетельствовали, что когда поднялась тревога, вы появились полностью одетой.
- Ничего особенного. Было всего двенадцать часов. Я читала.
- Что вы читали?
- Роман Киплинга «Свет погас».
- Что стало с этой книгой?
- Я отложила ее, когда миссис Пур вскрикнула.
- Вы уверены? В вашей комнате ее не нашли.
- Конечно, не уверена. Возможно, отнесла ее вниз. А может, в порыве волнения где-нибудь уронила.
- Пожалуйста, опишите точное расположение вашей комнаты.
- Оно находится в северо-восточном углу дома, над библиотекой.
- Но вы не слышали выстрела?
- Нет.
- Это странно.
- Дом построен очень добротно; двойные двери, и все такое.
- Но прямо над головой?
- Ничего не могу с этим поделать. Я ничего не слышала.
- Вы и понятия не имели, о том, что произошло, пока не услышали крик миссис Пур?
- Ничегошеньки.
- Когда она закричала, что вы сделали?
- Я пробежала по галерее, и вниз по лестнице.
- Галерея?
- Чтобы добраться до верхней части лестницы, мне пришлось обойти галерею в холле.
- Сколько времени вам потребовалось, чтобы добраться до миссис Пур?
- Как я могу это сказать? Я бежала.
- Какое расстояние, приблизительно?
- Пятьдесят или шестьдесят футов; затем лестница.
- Полминуты?
- Возможно.
- Что вы увидели, когда спустились вниз?

— Спустившись по лестнице, я оказалась у двери библиотеки. Сразу за дверью я увидела миссис Баттен, которая цеплялась за миссис Пур. Она пыталась не дать миссис Пур подойти к своему мужу.

— Миссис Пур — высокая, стройная женщина, не правда ли?

— Да.

— Миссис Баттен крупная женщина?

— Нет.

— Сильная?

— Нет.

— И всё же вы говорите, что она смогла удержать свою хозяйку хотя бы полминуты?

— Это вы сказали полминуты.

— Ну, пока вы не спустились вниз.

— Похоже, так и есть.

— Вам это не показалось странным?

— Я об этом не думала.

— Вы поняли, что произошло?

— Не сразу. Но, вскоре.

— Они вам сказали?

— Нет.

— Как же вы догадались?

— Судя по позе мистера Пура, который навалился на стол, раскинув руки, голова опущена, и с пистолетом в руке.

— В его руке?

— Ну, я подумала, что это было сделано им самим.

— Вы узнали в нём свой пистолет?

— Я... я не знаю.

— А?

— Я даже не помню, когда именно поняла, что это мой пистолет. Пистолеты так похожи друг на друга. Я свой почти не держала в руках.

— Ну, а как получилось, что его с такой уверенностью определили как ваш?

— На стволе были две маленькие царапины, которые кто-то оставил до того, как я его получила. Я показала его миссис Баттен, и мы обсудили, что могут означать эти две маленькие отметины. Миссис Баттен, должно быть, рассказала об этом в присутствии слуг. Во всяком случае, они знали об этих отметинах.

— Как вы объясните тот факт, что ваш пистолет был в руке убитого?

— Я не могу это объяснить.

— Где вы его хранили?

— В нижнем ящике моего комода.

— Ящик был заперт?

— Нет.

— Когда вы в последний раз видели его там?

— Два дня назад, когда я...

Она остановилась на этой фразе.

— Когда вы что?

— Когда я положила его туда.

— Тогда вы его осматривали?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы его починили.

- Что с ним было не так?
- Я не могу это описать, потому что не понимаю механизма.
- Вы когда-нибудь стреляли из него?
- Нет.
- Тогда откуда вы знали, что оружие неисправно?
- Я... я... — Она замялась. — Я не буду отвечать на этот вопрос.
- Это ведь безобидный вопрос.
- Мне всё равно. Я не буду отвечать.
- Кто его починил?
- Человек, у которого был куплен пистолет.
- Кто это был?
- Я не знаю.
- Вы считаете, что это не следует мне рассказывать?
- Нет, это правда. Я не знаю. Я никогда не спрашивала.
- А, значит, это был подарок?

Девушка не ответила. Она все больше волновалась, мучительно нервничала, то скручивая, то расправляя платок на коленях. Я тоже начала возбуждаться. Я была уверена, что мы вот-вот сделаем важное заявление. Мадам Стори сделала вид, что не замечает ее беспокойства.

- Как давно у вас был пистолет? — спросила она.
- Несколько недель — три или четыре.
- Он был в хорошем состоянии, когда вы его получили?
- Да.
- Ну, если вы его никогда не использовали, как же он вышел из строя?

Ответа нет.

- Кто стрелял?

Мисс Дин хранила молчание.

- Что это был за пистолет?
- Его называли автоматическим.
- Какого калибра?
- Не знаю.

Следующий вопрос прозвучал очень тихо.

- Кто вам дал его, мисс Дин?

Мне было очень жаль бедную девушку, ее положение было настолько тяжелым, и она так отчаянно боролась за то, чтобы справиться с ним.

- Я не буду отвечать на этот вопрос.
- Этот вопрос обязательно будет задан в суде.
- Я не буду отвечать там.
- Ваш отказ вас изобличит.
- Мне все равно.
- Скажите им, что вы его нашли, — предложила мадам Стори с загадочным, доброжелательным взглядом.

К моему удивлению, она встала и сказала:

- На этом всё, мисс Дин.

Я не могла этого понять. Девушка, смертельно бледная и с трудом дышащая, казалось, вот-вот сломается и признается во всем — и все же она отпустила ее. Признаюсь, я была раздражена поступком мадам Стори. В глубине души я обвиняла ее в неисполнении своих обязанностей. Девушка была не менее удивлена, чем я. С бледным лицом она смотрела на мою работодателя так, словно не могла поверить своим ушам. Мадам Стори закурила сигарету.

— Большое спасибо за ответы на мои вопросы, — подытожила она. — Я совершенно ясно вижу, что вы не могли этого сделать. Я обязательно сообщу об этом помощнику окружного прокурора.

Девушка не выказывала никакой благодарности за эти заверения, а продолжала смотреть на мадам Стори с гнетущей тревогой и подозрением. Я тоже смотрела на нее. Мне было совершенно ясно, что Филиппа Дин знала об убийстве и действовала с чувством вины.

— Теперь нам придётся вернуть вас вашим «сторожевым псам», — заявила мадам Стори. — Не падайте духом.

Девушка ушла, словно во сне.

Когда её забрали люди в штатском, мы с мадам Стори снова сели и посмотрели друг на друга. Она засмеялась.

— Белла, ты выглядишь так, будто вот-вот лопнешь. Выкладывай!

— Я вас не понимаю! — воскликнула я.

— Разве она не очаровательная девушка?

— Да, я согласна. Мне было ужасно жаль бедную девочку, но...

— Но что?

Я собралась с духом и продолжила:

— Не позволяйте сочувствию к ней влиять на вас. Вам нужно заботиться о своей профессиональной репутации!

— Ты беспокоишься о моей профессиональной репутации больше, чем я сама, — произнесла она с насмешкой.

— Почему вы остановились именно тогда?

— Потому что я узнала то, что хотела узнать.

— Что вы узнали такого, чего вам уже не рассказал мистер Баррон? Она как раз... в тот момент...

— Могла повторить свое признание?

— Я в этом уверена!

— Именно этого я и хотела избежать, Белла. Еще одно признание только усложнило бы ситуацию.

Я уставилась на неё.

— Потому что она этого не делала, понимаешь, Белла.

— Тогда зачем ей признаваться?

Моя работодательница лишь пожала плечами.

— Как вы можете быть так уверены, что она этого не делала? Любой мог видеть, что она лжет.

— Она, безусловно, лгала.

— Ну и что?

— Именно по ее лжи я поняла, что она невиновна.

— Вы просто дразните меня, — пожаловалась я.

— Вовсе нет. Перечитайте свои записи с её ответами. Там всё ясно как день.

Я перечитала свои записи, но не увидела света в конце тоннеля.

— Этот безошибочно узнаваемый виноватый вид, — сказала я. — Как вы это объясните?

— Я бы не назвала это чувством вины.

— Всё время встревожена, напугана.

— Вот это уже лучше.

— Даже если она этого не делала, она знает, кто это сделал.

— Возможно.

— Тогда почему вы не попросили её рассказать вам?

— Иногда молодых девушек нужно спасать от самих себя, Белла. И это всё, что мне удалось от неё получить.

Глава 4

Как только Филиппа Дин вернулась в окружную прокуратуру, мистер Баррон, должно быть, сразу направился к нам. Он прибыл в течение сорока минут. Проводив его в комнату мадам Стори, я последовала за ним, поскольку после бурного утреннего разговора она поручила мне присутствовать всякий раз, когда он находится у нее.

Баррон был в ярости от моего вторжения. Он ничего не сказал, но сверлил меня взглядом, а я тихонько молилась, чтобы меня не загнали в лапы окружного прокурора, по крайней мере, пока он там находится. Он сел, скрещивая и распрямляя ноги, хлопая себя по колену перчаткой и хмуро глядя на мадам Стори из-под нахмуренных бровей. Джаннино, который его ненавидел, убежал на верх своей картины, где сидел, обрушивая на голову мужчины проклятия на обезьяньем языке и тщетно оглядываясь в поисках чего-нибудь более действенного.

Мадам Стори была в самом игривом настроении.

— Прекрасный день, Уолтер, — благозвучно заметила она.

Он фыркнул.

— Выпьешь чаю? Мы уже выпили.

— Нет, спасибо.

— Может, сигарету? — Она подвинула к нему коробку.

— Ты же знаешь, я их никогда не курю.

— Ну, тебе не обязательно быть таким добродетельным.

Она сама сигарету. Изящное движение, с которым она поднесла ее ко рту, всегда завораживало меня — и его тоже.

Он молчал. Мадам Стори выпустила облако дыма. Он угрюмо, жадно смотрел на нее. Мне было жаль этого человека. Честное слово, она ужасно с ним обращалась.

— Роуз, сколько сигарет ты выкуриваешь за день? — резко потребовал он.

— О, не больше пятидесяти, — протянула она, озорно бросив в мою сторону лукавый взгляд.

Возможно, она выкуривала половину этого количества в день, но никогда не делала больше одной-двух затяжек.

— Ты портишь себе цвет лица, — заметил он.

— Боже мой! — воскликнула она с притворным ужасом, схватив маленькое зеркальце в золотой оправе, которое всегда лежало на ее столе. Она внимательно осмотрела себя. — И правда, заметны следы износа. Чего еще ожидать? Ему уже целых шесть часов.

Из своей маленькой сумочки она достала губную помаду, пуховку, карандаши и прочее, а затем небрежно принялась ими пользоваться. Могу заметить, что мадам Стори довела искусство макияжа до необычайного совершенства. Поначалу я отказывалась верить, что она использует какие-либо искусственные средства, пока этот процесс не произошел у меня на глазах.

Абсолютно равнодушная к мнению окружающих, она могла в любой момент вытащить нужный материал, особенно когда ей хотелось деликатно оскорбить кого-нибудь.

Мистер Баррон, если это вообще было возможно, разозлился еще сильнее, чем прежде. Инстинкт, конечно, подсказывал ему, что ни одна женщина не раскроет мужчине свои секреты красоты, если ей не безразлично его мнение. На мгновение или два он замолчал, а затем сказал:

— Пожалуйста, убери эти вещи. Я хочу с тобой поговорить.

— Ты сказал мне, что мне нужно привести цвет лица в порядок, Уолтер. Ты говори. Нанесение макияжа — это чисто подсознательный процесс. Я слушаю.

Они были волевой парой. Она не желала прекращать накладывать макияж, а он отказывался говорить, пока она не уделит ему безраздельное внимание. Воцарилось долгое молчание.

Мне было довольно тяжело. Я сидела за своим маленьким столиком, делая вид, что занимаюсь бумагами. Мадам Стори отложила сигарету. Маленький проказник Джаннино подкрался, но я перехватила его и сунула окурок в пепельницу с крышкой, которую он не мог открыть. Он, надувшись, удалился в угол и по-своему обругал меня.

Мадам Стори наконец опустила зеркало.

— Так лучше, Уолтер? — спросила она с лукавой улыбкой.

Он надул щеки.

— Я жду, что ты мне расскажешь, — сказала она, убирая косметику.

— Это конфиденциальная информация, — ответил он, бросив на меня взгляд.

— Мисс Брикли знает всё о деле Пура, — небрежно заметила она. — Тебе не стоит обращать на неё внимание.

— Ну и что произошло? — угрюмо спросил он.

— Ничего особенного.

— Ты получила признание от девушки?

— Нет; мне удалось его предотвратить.

У него отвисла челюсть.

— Что ты имеешь в виду?

— Она была как раз на грани признания, когда я отправила её обратно в следственный изолятор.

— Не могла бы ты объяснить ситуацию?

— Признание лишь возвысило бы тебя, Уолтер, и помешало бы осуществлению правосудия. Потому что она не убивала Эшкомба Пура.

— Полагаю, ты поручила твоей секретарше вести записи ее допроса, — сказал он. — Пожалуйста, пусть она зачитает их мне.

Мадам Стори покачала головой.

— Девушка говорила со мной конфиденциально, Уолтер.

— Но ведь у меня есть право...

— Мы договорились с тобой заранее, помнишь.

Помощник окружного прокурора, очень рассерженный, пробормотал что-то вроде того, что «в следующий раз будет умнее».

— Это, конечно, на твое усмотрение, — ласково проговорила она. — В любом случае, зачитывать тебе записи бесполезно, потому что я не выявила никаких новых важных фактов.

— Тогда откуда ты знаешь, что она невиновна? — потребовал он ответа.

— По интуиции, — ответила она с самой очаровательной улыбкой.

Он вскинул руки.

— Боже мой! Могу ли я обратиться в суд, полагаясь на твою интуицию?

— Полагаю, нет. Но тем хуже для суда. Как ты знаешь, у меня не очень хорошее мнение о судах именно потому, что они отбрасывают интуицию. Они предпочитают основывать правосудие исключительно на разуме, тогда, как любой здравомыслящий человек знает, что разум — самая несовершенная из человеческих способностей. С помощью разума можно доказать что угодно.

На это мистер Баррон резко возразил:

— Однако я никогда не видел в суде лживой женщины, которая, будучи пойманной, не ссылалась бы на свою так называемую интуицию.

— Возможно. Но то, что есть лжецы, не означает, что истины не существует. Интуиция говорит тихим, едва слышным голосом.

— Твоя интуиция подсказывает тебе, кто убил Эшкома Пура? — саркастически спросил он.

— Мне понадобится больше времени для этого, — парировала она.

— Мне казалось, что твоя интуиция возникает мгновенно.

— Поскольку ты вынуждаешь меня встретиться с тобой на твоей территории, мне необходимо достаточно времени, чтобы подготовить убедительные аргументы.

— Ага! Значит, ты вовсе не презираешь разум.

— Ни в коем случае. Но мои рассуждения лучше твоих, потому что они руководствуются голосом интуиции.

— Ты что, ожидаешь, что я отпущу эту девушку, полагаясь на твою интуицию?

— Ни в коем случае. Она бы сбежала. А она может нам понадобиться позже.

— Сбежала бы! Этот образец невинности? Невозможно!

— Есть немало вещей, которые разумные люди не понимают, — протяжно произнесла мадам Стори. — Но поверь мне, в конце концов, тебе будет лучше в этом деле, если вы просто привлечешь девушку, находящуюся в следственном изоляторе, в качестве важного свидетеля.

— Спасибо, — сказал он, — но завтра я предстану перед большим жюри, чтобы потребовать предъявления обвинения в убийстве.

— Как хочешь! Мужчины должны быть разумными. Согласно твоей теории, она убила его, защищаясь от его домогательств, не так ли?

— Именно на это я и намекал.

— Ну, как здравомыслящий человек, как ты можешь объяснить тот факт, что она была готова остаться с ним в доме наедине, если не считать старой экономки?

— Это замечание вполне уместно, — признал он, но с неприятной улыбкой, которая намекала на то, что он намеревался унижить ее позже.

Мадам Стори продолжила:

— Более того, она, должно быть, сама напрашивалась на его внимание, ибо трагедия произошла в его собственном кабинете, то есть, в библиотеке.

— Признаюсь, поначалу это меня озадачило, — сказал он, — как и тот факт, что в него, по всей видимости, выстрелили неожиданно. Но с сегодняшнего утра появились новые доказательства.

Он ждал, что она проявит любопытство, но она, читавшая его как открытую книгу, лишь выпустила пыль облако дыма.

— Сегодня утром было зачитано завещание Эшкома Пура.

— Да?

— Он оставил Филиппе Дин десять тысяч долларов.

Мадам Стори не выказала ни малейшего беспокойства.

— Это, несомненно, свидетельствует о ее безупречном характере, — пробормотала она.

— Характер ни при чем! — последовал ответ. — Впрочем, в этом отношении, мотивы Эшкомба Пура меня не касаются. Для меня важно то, что девушка знала: её имя указано в его завещании.

— Когда было составлено завещание?

— За три дня до его смерти.

— Откуда она знала, что её имя фигурирует в списке?

— По всей видимости, Эшкомб Пур, находясь в состоянии алкогольного опьянения, рассказал своему дворецкому о различных распоряжениях в своем завещании, и тот стал свидетелем при подписании этого документа. Дворецкий передал все миссис Баттен, а миссис Баттен рассказала об этом девушке.

— Упоминалась ли миссис Баттен в завещании?

— Да, ей оставлено пять тысяч.

— Возможно, она убила Эшкомба Пура.

— Нелепо!

Глава 5

Мадам Стори решила, что мы должны опросить всех свидетелей, и показания имеют существенное значение для этого дела.

Мой рабочий стол в приемной стоял у окна. На следующее утро, ожидая прибытия работодателя, я увидела, как внизу остановился элегантный автомобиль «Линкольн Таун Кар», из которого вышла женщина, отличавшаяся изысканной грацией и достоинством. Она была покрыта вуалью в знак глубочайшего траура. Я не могла разглядеть ее лица, но, догадываясь, кто это, испытала легкое волнение в предвкушении. Вскоре дверь распахнул Эдди, который удостоивал чести объявлять лишь именитых посетителей, и произнес:

— Миссис Пур к мадам Стори.

Я вскочила, немного растерявшись. Чего еще можно было ожидать? Знаменитая миссис Эшкомб Пур, о которой так много написано; ее красота, ее платья, ее украшения, ее благотворительность, а теперь еще и ее трагическая утрата! Как же мне хотелось увидеть ее лицо. Впрочем, она и не подумала откинуть вуаль.

— Мадам Стори нет? — разочарованно спросила она.

— Я жду её с минуты на минуту, — пояснила я. — Она будет очень разочарована, если не сможет с вами встретиться.

— Я совсем не против подождать, — ответила миссис Пур.

Ее голос был чистым и ясным, как звон стеклянных колокольчиков. Я пододвинула для нее стул. Я понимала, что мне следовало бы сразу проводить гостью в соседнюю комнату, но очень хотелось получше ее рассмотреть. Простое черное платье сидело на ней безупречно, явно сшито мастером. Я напрягла мозги, пытаясь придумать какой-нибудь способ, чтобы соблазнить ее снять вуаль. Я предложила ей журнал, но она отмахнулась, поблагодарив меня. Моя изобретательность меня подвела. Вряд ли мне следовало начинать разговор.

Мадам Стори не заставила себя ждать. Помню, она тоже была вся в чёрном, но это был особенный чёрный цвет; в ее облике не было ничего от скорбящей женщины. А Джаннино, бедняга, которому пришлось одеться так, чтобы оттенять свою хозяйку, был в курточке и шапочке жжёного оранжевого цвета.

Моя работодательница выразила сожаление по поводу того, что заставила миссис Пур ждать, и проводила её прямо в соседнюю комнату. Увы! Мне не разрешили последовать за ней. Я бы многое отдала, чтобы увидеть и услышать разговор этих двух необыкновенных женщин.

Я осталась за своим столом в глубочайшем разочаровании. Внезапно послышался щелчок диктографа. С какой радостью я схватила наушники и потянула к себе блокнот с карандашом!

Наконец-то я могла их слышать.

Мадам Стори говорила:

— Как же любезно с вашей стороны согласиться прийти в кабинет незнакомой женщины. Я бы не стала просить вас об этом, если бы не думала, что мой визит к вам только создаст неловкую ситуацию.

— Я очень рада, что приехала, — ответила миссис Пур своим звонким голосом. — Вы мне отнюдь не незнакомы. Со всех сторон слышны рассказы о чудесных способностях мадам Стори. Мне было очень приятно узнать, что вы заинтересовались моими несчастными делами. Хочется узнать правду и покончить с этим раз и навсегда. Тогда можно будет успокоиться.

— И вы готовы ответить на мои вопросы?

— С превеликим удовольствием.

— Очень любезно с вашей стороны. Конечно, это будет несколько болезненно, хотя я постараюсь пощадить вас настолько, насколько смогу. Если я зайду слишком далеко, пожалуйста, одерните меня.

— Вы можете спрашивать меня о чем угодно, мадам Стори.

— Спасибо. Я постараюсь быть как можно короче. Нет необходимости вдаваться в подробности. Я и так достаточно хорошо информирована полицией и вчерашним допросом мисс Дин.

— А, вы видели эту девушку? — спросила миссис Пур.

— Да.

— Что она сказала?

— Ничего, кроме того, что было опубликовано.

— Бедное, бедное создание!

— Вы не испытываете к ней неприязни?

— Мои чувства к ней очень противоречивы. Конечно, я не могла с ней увидеться. Но я не испытываю горечи. Откуда мне знать, какими могли быть её мотивы? И осуждение её не вернёт моего мужа к жизни.

— Вы давно знакомы с мисс Дин?

— С самого детства. Моя и её семья знакомы уже несколько поколений.

— У мисс Дин был роман?

— Нет, ничего серьезного.

— Вы уверены?

— Совершенно уверена. Я бы непременно узнала, если бы у нее что-то было. Многие молодые люди, которые бывали у нас дома, оказывали ей знаки внимания — симпатичная девушка, понимаете, — но все это было несерьезно.

— Я-то думала...

— Боюсь, что в наше время молодые люди слишком уж расчетливы, — посетовала миссис Пур. — У нее, видите ли, не было денег.

— Теперь я перехожу к непростой теме, — сочувственно произнесла мадам Стори. — Мне неловко спрашивать, но я хотела бы точно выяснить характер отношений между вашим мужем и мисс Дин.

— Не принимайте меня во внимание, — проронила миссис Пур. — Мне придется взглянуть правде в глаза.

— Некоторые из слуг дали показания, свидетельствующие о том, что ваш муж был увлечен ею.

— Боюсь, это правда.

— Почему вы так думаете?

— Человек учится понимать человека, с которым живет, по его внешности, интонации голоса, его мельчайшим неосознанным действиям.

— У вас нет прямых доказательств его вины; вы никогда не заставляли его врасплох и не перехватывали записок?

— Это не в моих правилах, — с гордостью заявила миссис Пур.

— Разумеется. Прошу прощения.

Миссис Пур продолжила с горечью:

— Если бы я хотела найти доказательства против него, то мне бы их навязали в изобилии — я имею в виду по другим делам.

— Ничего, что можно было бы указать в этом деле?

— Нет.

— Тогда не будем останавливаться на этом. Как девушка реагировала на его ухаживания?

— Как и подобает честной девушке. Она отвергала их.

— Откуда вы знаете?

— Так же, как я узнала о нем самом: по ее повседневным поступкам, по ее отношению к нему.

— Каким именно?

- Настороженным.
- Это можно было истолковать по-разному, не так ли?
- О да. Но было и её отношение ко мне — открытое, ласковое, без всяких оговорок.
- Возможно, это была хорошая актерская игра, — предположила мадам Стори.
- Возможно, но я предпочитаю так не думать.
- У вас доброе сердце, миссис Пур. Как долго это продолжалось?
- Примерно месяц.
- Но если девушка была искренна, как объяснить то, что она была готова терпеть эту невыносимую ситуацию?
- Всё очень просто: ей нужны были деньги.
- Но если у неё всегда была хорошая работа, почему же ей сейчас так тяжело?
- У неё есть обязательства. Она содержит двух пожилых слуг своей матери, которые уже не могут работать.
- А! Но как же вы мирились с таким положением дел, миссис Пур?
- Вы имеете в виду, почему я не выгнала её? Как я могла её уволить? С тех пор, как стало понятно, что происходит, я пыталась пристроить ее к кому-нибудь из своих друзей, но они рассуждали так: если я готова её отпустить, значит, в ней есть что-то нежелательное.
- Естественно. Это была единственная причина, по которой вы её не увольняли?
- Ответ миссис Пур был настолько слабым, что его едва удалось услышать в наушниках.
- Нет; я хочу быть с вами предельно откровенной — признаюсь, пока она была рядом, я в какой-то степени понимала, что происходит, но если бы она ушла... Понимаете...
- Значит, у вас были какие-то сомнения относительно неё?
- Мой муж был очень привлекательным мужчиной для женщин. Он привык добиваться своего. Я думала о ней больше, чем о себе. Его увлечения никогда не длились долго.
- Вы знали, что он включил её в своё завещание?
- Узнала только вчера, когда было зачитано завещание.
- Как вы думаете, каков был его мотив?
- Не знаю даже как сказать?
- А не было ли это сделано лишь для того, чтобы вас раздражить?
- Возможно. Он был способен на это.
- Итак, миссис Пур, учитывая сложившуюся ситуацию, как вы могли оставить девушку наедине с ним, хотя бы даже с экономкой?
- Это не моя вина. Меня застали врасплох. У меня не было времени ничего планировать.
- Что вы имеете в виду?
- До последней минуты предполагалось, что мистер Пур поедет со мной на это мероприятие. Но за ужином он отказался. Что мне оставалось делать? Мне пришлось поехать самой, так как я играла там важную роль.
- Тогда почему вы не предложили ей поехать с вами?
- Я предложила.
- А она отказалась?
- Она отказалась.
- Почему?
- Она сказала, что у неё нет подходящего платья.
- Вы в это поверили?
- Нет.
- Вы подозревали, что это её пребывание дома могло быть заранее спланировано?
- О, я не могла об этом даже и подумать.
- Но если это не было заранее оговорено, зачем ей было идти в библиотеку?

— Кто знает, что произошло? Возможно, он позвал её под предлогом диктовки писем. Он и раньше так делал.

— Вы пытаетесь её оправдать. Но это не объясняет, почему она решила остаться дома, зная, что он будет там.

— Возможно, она была взволнована — очарована его увлечением; девушки такие. Возможно, ей было любопытно посмотреть, как он себя поведет — она была уверена в своей способности сдержать его. И слишком поздно поняла, что столкнулась с первобытными силами, поэтому вынуждена была защищаться.

— Но она, должно быть, догадывалась о том, что может произойти, раз взяла с собой пистолет, когда пошла в библиотеку. Вы знали, что у нее был пистолет?

— Нет.

— Теперь, миссис Пур, перейдем к вашему возвращению домой в тот вечер. Опишите ваше возвращение как можно подробнее.

— Было пять минут после полуночи. Я уверена во времени, потому что взглянула на часы, когда выходила из клуба. Тогда было без пять минут двенадцать. Нам потребовалось около десяти минут, чтобы преодолеть три мили, потому что дорога была заполнена возвращающимися автомобилями.

— Одну минуту; ведь развлекательная программа проходила на открытом воздухе, не так ли?

— Да, и мы переодевались в клубе. У нас был лимузин. Я ехала со своей горничной; Кэти Биркетт была рядом со мной, а напротив — повар и горничная. Дворецкий был снаружи с шофером. Когда мы добрались до дома, я вышла одна у входной двери. Я сказала остальным подъехать к служебной двери, так как подумала, что мистеру Пуру может быть неприятно, если они будут ходить по дому. Машина ждала там, пока дверь не откроют, потому что они не хотели оставлять меня стоять там одной в темноте.

Дверь открыла миссис Баттен. Это меня удивило, потому что обычно она ложилась спать задолго до этого часа. Я ожидала, что муж впустит меня. Я попросила шофера посигналить на подъездной дорожке, чтобы предупредить о нашем приезде. Я сказала миссис Баттен: «Почему вы не в постели?» Она ответила, что, по её мнению, ей лучше было подождать меня — или что-то в этом роде. Я спросила её, где мистер Пур, и она сказала, что он уснул в библиотеке.

В нескольких шагах от внутренней двери я могла видеть библиотеку. Дверь была открыта, как и тогда, когда я уходила. Я видела своего мужа, сидящего за письменным столом посреди комнаты спиной к двери. Его голова лежала на руках, и я тоже подумала, что он спит. Я заметила, что огонь в камине погас.

— Ага, камин был разожжен?

— Да, мистер Пур любил разводить огонь в камине библиотеки, за исключением самой жаркой погоды. Когда миссис Баттен сняла с меня плащ, я крикнула ему: «Проснись, Эшкомб! Ты затеёшь, если будешь так спать!»

Он не двигался. Миссис Баттен и я одновременно заподозрили неладное. Мы обе бросились к нему. Не успела я сделать и двух шагов, как увидела — о! — ужасное темное пятно на ковре под его стулом. Я увидела пистолет. Словно ледяная рука схватила меня за горло. Я остановилась, не в силах пошевелиться. Комната передо мной погрузилась во тьму.

— Вы потеряли сознание?

— Нет. Это длилось всего секунду. Я снова двинулась вперед. Миссис Баттен повернулась и преградила мне путь. «Не ходите! Не ходите туда!» — кричала она. Затем что-то словно сломалось внутри меня. Я закричала. Потом появилась мисс Дин. Я не видела, как она пришла. Я вцепилась в нее...

— Одну минуту. Сколько времени прошло с того момента, как вы закричали, до появления мисс Дин?

— Совсем немного. Она была тут как тут.

— Вы уверены?

— Совершенно уверена.

— Возможно, вы уже кричали раньше, сами того не осознавая.

— Невозможно. С этой ледяной хваткой на горле.

— Ну, продолжайте, пожалуйста.

— Я... я тогда совсем сломалась. Это был ужасный шок, и... и это темное, мокрое пятно на ковре! Другие слуги вбежали с задней стороны дома. Горничные начали тоже кричать. Кто-то увел их обратно. Дворецкий осмотрел тело. Он сказал, что муж уже мертв... тело холодное. У меня хватило самообладания распорядиться, чтобы в комнате ничего не трогали. Я велела ему позвонить моему брату, который живет неподалеку, и нашему врачу — на всякий случай. Слуги помогли мне подняться наверх; начали приходить люди — полиция. Мои воспоминания после этого не очень ясны.

— Вы присутствовали, когда полиция допрашивала слуг и мисс Дин?

— Нет.

— Когда у вас впервые возникли подозрения в отношении неё?

— Утром, когда я спросила о ней, мне сказали, что ее арестовали. Это был новый шок. Я предполагала, что это было самоубийство. Подробности я узнавала постепенно, потому что люди не хотели со мной об этом говорить, а у меня не было сил настаивать.

— Вы заметили что-нибудь необычное в поведении мисс Дин, когда она подошла к вам?

— Тогда, конечно нет. Я была слишком рассеяна. Но когда я подумала об этом позже, она показалась мне странно взволнованной.

— Ну, вы все, конечно же, были такими.

— Она была другой. Ее ужас и смятение не были безличными, как у слуг; она испытывала личное чувство. Казалось, она вот-вот упадет в обморок от ужаса; она едва могла говорить. Она не была удивлена.

— Что она вам сказала?

— Она тоже пыталась меня удержать. Она сказала: «Не ходите к нему. Всё кончено». В тот момент я не придавала этому значения. Потом мне пришлось в голову, что никто из нас тогда к нему не подходил. Мы не знали, что он мертв, пока не пришел дворецкий.

— Это очень важно, — согласилась мадам Стори.

На этом собеседование с миссис Пур завершилось.

После обмена любезностями она вышла из внутренней комнаты. Ее вуаль была откинута в сторону, и мне представилась долгожданная возможность увидеть ее лицо. Ее голос, звучавший у меня в наушниках, был настолько холодным и спокойным, что я не была готова к тому, что увидела. Поистине красивая женщина с гордыми, точеными чертами лица; но события последних нескольких дней наложили на него тяжелый отпечаток. Под глазами залегли темные круги, а от крыльев носа до рта пролегли глубокие морщины от страдания. Я поняла, насколько унижительными для ее гордой души должны были быть откровения, последовавшие за убийством. Увидев мой взгляд на своем лице, она быстро набросила вуаль и вышла, не сказав ни слова.

Не буду отрицать, что результаты беседы с миссис Пур доставили мне определенное удовлетворение. При всем моем глубоком уважении к своей работодательнице, мне было приятно видеть, что на этот раз она ошиблась. Да, ладить с человеком, который всегда прав, — задача не из легких. Уверенность мадам Стори в невиновности Филиппы Дин меня все же немного задевала. Мадам Стори ни словом не обмолвилась о том, что произошло между ней и миссис Пур, и, конечно, я не злорадствовала по этому поводу.

Глава 6

Через час после ухода миссис Пур я услышала робкий стук в дверь и, открыв её, увидела маленькую округлую фигурку в строгом чёрном платье и в забавной маленькой шляпке с кончиками страусовых перьев. Она чинно сложила руки в перчатках на самой выступающей части тела, а на одной руке висела чёрная атласная сумочка. У неё были щёчки, похожие на увядшие розовые яблоки, и близорукие глаза, смотрящие сквозь толстые очки. Во взгляде чувствовалась какая-то трогательная, детская непосредственность, которая сразу располагала к себе. В данный момент маленькая леди была напугана и едва переводила дух.

— Мадам Стори здесь живёт? — выпалила она.

— Это её кабинет, — подтвердила я. — Входите.

— Меня зовут миссис Баттен.

Я посмотрела на неё с большим интересом.

— Мадам Стори будет рада вас видеть, — сообщила я.

— Я сказала ей, что приду, — пробормотала она, — но я так расстроена — так расстроена, что уверена, если она задаст мне самые простые вопросы, то совсем потеряю рассудок.

— Вам не стоит ее бояться, — успокаивающе заверила я.

Я знала, о чём говорю. В тот же миг, как мадам Стори увидела дрожащее маленькое тельце, она улыбнулась и смягчилась. Она отбросила свою светскую манеру держаться и стала простой, как обычный человек. Я осталась в комнате. Мадам Стори говорила о пустяках, пока миссис Баттен не пришла в себя, и постепенно перевела разговор на дело Пура. При первом упоминании Филиппы Дин из старых глаз выступили слезы и потекли по морщинистым щекам.

— Бедная, бедная моя девочка! — сокрушалась она. — Бедная моя девочка!

— Вы очень любите её? — мягко спросила мадам Стори.

— Она была мне как дочь, мадам.

— Что ж, давайте вместе подумаем и посмотрим, что мы можем сделать. Вы можете мне очень помочь. Прежде всего, где вы были весь вечер, пока миссис Пур находилась на развлекательном мероприятии?

С огромным усилием миссис Баттен взяла себя руки и сдержала слезы. Ее пальцы вцепились в подлокотники кресла.

— Я была в своей комнате, — сказала она, — в гостиной внизу.

— Совсем одна?

— Конечно же.

— Пожалуйста, скажите мне, где именно находится ваша комната.

— Итак, путь туда из прихожей лежит через дверь между гостиной и столовой и далее по коридору. Примерно посередине этого коридора справа находится моя дверь, а напротив — дверь в кладовую. В конце коридора идет еще один коридор, который мы называем задним коридором. Из него есть дверь, ведущая на подъездную аллею...

— Это та дверь, через которую вошли слуги, вернувшись с миссис Пур?

— Да, мадам. А в другом конце заднего коридора находится дверь в сад. В этом коридоре расположена задняя лестница. За ней — кухня и столовая для прислуги.

— Я поняла. Разве для вас не было необычным так поздно ложиться спать?

— Да, это так.

— Как же так вышло?

— Ну, меня заинтересовала одна книга.

— Какая книга?

Миссис Баттен рассеянно приложила руку ко лбу.

— Дайте подумать... мой бедный ум! Ах да, оно называлось «Свет погас».

Ни одна мышца на лице мадам Стори не изменилась.

— А! Замечательная история! Я её хорошо знаю! Особенно мне нравится первая глава, где молодой человек выходит из напольных часов и застаёт вора за взломом сейфа.

— Я подумала, что это немного преувеличено — пояснила миссис Баттен.

Я ахнула про себя. Я едва могла поверить своим ушам. Наша милая, добрая старушка бесовестно врет, и мадам Стори поймала её в ловушку. Ведь, как всем известно, в романе «Свете погас» такой сцены нет. Мадам Стори продолжила:

— Пожалуйста, расскажите мне в точности, что произошло, когда миссис Пур вернулась той ночью.

Миссис Баттен выполнила просьбу. До определенного момента ее рассказ в точности совпадал с рассказом ее хозяйки, и повторять его не было необходимости. Миссис Баттен подтвердила утверждение миссис Пур о том, что Филиппа Дин появилась, как только миссис Пур вскрикнула.

Затем мадам Стори сказала:

— Однако мисс Дин свидетельствовала, что ей пришлось пробежать весь путь по галерее на верхнем этаже и вниз по лестнице.

Миссис Баттен испуганно посмотрела на нее.

— Ах, ну, может, я ошибаюсь, — быстро проговорила она. — Все было так ужасно. Может, это произошло за минуту до ее приезда.

— Что сказала мисс Дин миссис Пур, когда пришла?

— Она ничего не сказала — то есть, ничего обычного. Она обняла её и сказала: «Успокойтесь!» — или «Не падайте духом», или что-то в этом роде.

— Разве мисс Дин не говорила: «Не ходите к нему. Всё кончено»?

Миссис Баттен резко выпрямилась в кресле, и ее близорукие глаза словно заискрились.

— Она этого не говорила!

— Вы можете быть уверены?

— Клянусь!

— Она могла сказать это так, чтобы вы не услышали.

— Я всё время там была. Я также общалась с миссис Пур.

— Но миссис Пур свидетельствовала, что мисс Дин это сказала.

Старуха упрямо поджала губы.

— Мне все равно!

— Разве вы не верите своей хозяйке?

— Но если она так сказала, то ошибалась. Она и так была почти как дикарка. Она не понимала, что ей говорят.

— Никто тогда не знал, что мистер Пур умер. До прихода дворецкого.

Беспокойство миссис Баттен за девушку было настолько очевидным, что ее показания в пользу последней не имели большого веса.

Мадам Стори продолжила:

— Вы заметили что-нибудь странное в поведении мисс Дин, когда она пришла.

Миссис Баттен попыталась выиграть время.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

— Была ли она чрезмерно взволнована?

— Конечно же, мы все были такими.

— Я хотела сказать, было ли что-то излишне в ее поведении. Она вела себя как-то иначе, чем остальные?

Старушка начала дрожать.

— Что вы пытаетесь от меня добиться? — пробормотала она. — Она этого не делала! Она не могла этого сделать! Эта милая юная девушка, такая нежная, такая щепетильная! — голос старой леди истерически повысился. — Ничто не заставит меня поверить, что она это сделала! Она мне как дочь, настоящая дочь! Она этого не делала! Я буду говорить это до самой смерти!

Мадам Стори доброжелательно улыбнулась.

— Ваши чувства заслуживают доверия, миссис Баттен; тем не менее, я надеюсь, вы не будете так открыто демонстрировать их перед присяжными.

— Присяжные! — прошептала миссис Баттен, испуганная и одновременно отрезвевшая.

— Потому что если вы покажете им, как сильно вы любите мисс Дин, они не поверят ни единому вашему слову в её пользу!

— Присяжные!

Миссис Баттен повторила это, глядя перед собой так, словно представила себе ужасное испытание, которое ее ожидает.

— Мне придётся сидеть там, на свидетельском месте, и приносить присягу перед всеми ними — и перед тысячами людей, которые будут смотреть на меня, и перед адвокатами, которые будут спрашивать меня то и это, пытаясь ввести меня в заблуждение...

Она вдруг воскликнула:

— О, я не смогу! Я не смогу! Я знаю, что не смогу! Я слишком нервничаю! Я скорее покончу с собой, чем пойду на это!

Ужас, охвативший маленькую женщину, был настолько несоразмерен тому, чего она боялась, что мне пришла в голову странная мысль: может быть, это она убила Эшкомба Пура, или, может быть, они с девушкой сделали это вместе. Я с замиранием сердца следила за происходящим. Тем временем мадам Стори пыталась ее успокоить.

— Ну-ну! Ну-ну, миссис Баттен, не волнуйтесь так сильно. Это всего лишь мнимый ужас. Возможно, вам никогда не придется давать показания в суде. Давайте сделаем передышку, чтобы успокоить нервы. Выкурите сигарету?

Я устала на свою работодательницу, потому что в данный момент это выглядело, как очень неуклюжая попытка пошутить. А ведь мне следовало знать, что мадам Стори никогда ничего не делает в такие моменты без цели. Миссис Баттен собрала остатки своего достоинства.

— Спасибо, я не позволяю себе таких излишеств, — сухо ответила она. В этот момент она превратилась в типичную представительницу середины викторианской эпохи.

Мадам Стори игриво заметила:

— Ну же, миссис Баттен! Даже в уединении вашей комнаты?

— Никогда! Я не говорю, что осуждаю тех, кому это нравится, но в мое время это не считалось хорошим тоном.

— Мисс Дин курит? — небрежно осведомилась мадам Стори.

— Уверена, что нет! — серьезно ответила миссис Баттен. — Я была с ней в любое время года, и никогда не видела, чтобы она курила. Не было никаких причин скрывать это от меня. Кроме того, горничные никогда не подбирали окурки в ее комнате. Им это очень нравится.

— У вас репутация очень аккуратного человека, не так ли, миссис Баттен? — спросила мадам Стори. — Мне говорят, что вы настоящая экономка из Новой Англии.

К этому моменту я уже догадалась по нарочито небрежному виду мадам Стори, что этот, казалось бы, бессмысленный вопрос ведёт к определённому выводу. Старушка растерянно взглянула на неё, но не увидела ничего за этим безобидным замечанием.

— Да, конечно, — ответила она, — мне нравится видеть вещи в чистоте — по-настоящему в чистоте. И чтобы всё было на своих местах.

— Кто убирает вашу комнату? — продолжала мадам Стори тем вкрадчивым голосом, который всегда предвещает опасность — для кого-то.

Моё сердце забилося.

— Я всегда делаю это сама, — ничего не подозревая ответила миссис Баттен. — Мне не нравится, когда горничные копаются в моих вещах. Я люблю, чтобы в моей комнате было идеально чисто. Я всегда сама подметаю, вытираю пыль и навожу порядок, и намерена делать это до тех пор, пока не лягу в последний раз.

— Каждый день? — спросила мадам Стори, стряхивая пепел с сигареты.

— Каждый день, безусловно.

— Итак, миссис Баттен, — протянула мадам Стори голосом, сладким, как мед, — кто же курил сигареты в вашей комнате в ночь убийства Эшкомба Пура?

У маленькой старой леди отвисла челюсть, румяные щеки посерели, глаза стали как у больной женщины. Вскоре ее отвисшая губа начала жалобно дрожать. Я не могла смотреть на нее.

— Я... я не понимаю, о чём вы говорите, — пробормотала она, заикаясь.

— Вы не ответили на мой вопрос, — мягко заметила мадам Стори.

— В моей комнате никто не курил.

Мадам Стори повернулась ко мне.

— Мисс Брикли, пожалуйста, принесите мне вещественные доказательства по делу о Пуре, которые я просила вас убрать.

Поспешив в соседнюю комнату, я достал вещи из сейфа. Когда я вернулась, они обе не сдвинулись с места. Из конверта, который я ей передала, мадам Стори стряхнула окурки.

— Их нашли в вашей комнате рано утром следующего дня, — заявила моя работодательница миссис Баттен. — В маленькой латунной миске на подоконнике.

— В тот день утром в доме были самые разные люди, — пролепетала старая женщина с отчаянным видом, — полиция, детективы, бог знает кто! Откуда мне знать, кто проходил через мою комнату?

— Вряд ли этот человек просто прошел мимо, — пояснила мадам Стори. — Он или она, должно быть, задержались в вашей комнате на какое-то время — достаточно надолго, чтобы выкурить семь сигарет. Вот видите!

Она пересчитала их на глазах у замороженной старухи.

— Я не знаю, как они там оказались. Я не знаю, как они там оказались! — запричитала последняя.

Мадам Стори разложила окурки в ряд.

— Это сигареты с обычным наконечником, — размышляла она, — поэтому я предполагаю, что они мужские. Женщины предпочитают пробковые или трубочные наконечники, потому что губная помада прилипает и остается на бумаге. Какой джентльмен навещал вас, миссис Баттен?

— Там никого не было, никого! — послышался слабый ответ. — Зачем вы меня мучаете?

— В том, чтобы к вам кто-то пришел, нет ничего плохого, не правда ли? Возможно, ваш сын, племянник, брат — или даже муж. У женщин они тоже бывают, миссис Баттен.

— Все знают, что у меня нет семьи.

— Значит, друг. Что тут плохого?

— Там никого не было.

Мадам Стори вновь осмотрела окурки.

— Один из них достаточно длинный, чтобы можно было разобрать название марки, — размышляла она. — Армия и флот. Можно предположить, что их курил военный.

Измученная старая женщина вновь бросила на нее испуганный взгляд. Осторожно подняв один из окурков, мадам Стори понюхала не до конца обгоревший конец.

— Табак высшего качества и дорогой, — заметила она. — Видимо, офицерские сигареты. Но какого рода войск? Вот в чем вопрос.

Она пристально посмотрела на дрожащую маленькую женщину и резко спросила:

— Это был лёгчик, миссис Баттен?

Из уст миссис Баттен вырвался испуганный крик.

— Я вижу, что так и было, — закончила мадам Стори.

Миссис Баттен смотрела на мадам Стори так, словно перед ней предстал сам злодей. В ответ на этот взгляд, полный благоговейного ужаса, моя работодательница тихо сказала:

— Нет, никакой магии здесь нет, миссис Баттен. На самом деле, тем утром я обнаружила на поле по другую сторону ручья, у подножия сада, следы на земле, указывающие на место, где приземлился самолет, а затем снова поднялся в воздух. Я просто сопоставила факты, понимаете?

Маленькая женщина, казалось, неспособная говорить, сидела, сложив руки, словно умоляя о пощаде. Это было очень трогательно.

Мадам Стори продолжила:

— Проконсультировавшись с экспертом по авиации, я узнала, что такие следы могли быть оставлены не чем иным, как одним из новых самолетов «Бентли-Кричард», которых пока насчитывается всего полдюжины, и все они находятся в лагере Таскер, всего в пятнадцати милях от Гримстеда — в нескольких минутах полета. Мне не хватает только имени летчика, который вас посетил. Кто это был, миссис Баттен?

Женщина облизнула губы и прошептала сухим, дребезжащим голосом:

— Я не знаю. Никто не приходил.

— Лучше бы вам рассказать мне, — терпеливо настаивала мадам Стори. — В лагере Таскер это несложно выяснить. Вряд ли там много офицеров, летающих на такой новой модели.

Из уст маленькой старушки вырвался стон. Она закрыла лицо руками.

— Вы меня одолели, — пролепетала она. — Это был лейтенант Джордж Грантленд.

Я встала со стула и снова села, уставившись на женщину, как завороченная. Грантленд! Герой Эдди! Любимец публики!

Мадам Стори была ничуть не меньше удивлена, чем я.

— Быстрее, Белла! Утреннюю газету!

Я поспешила и принесла ей газету. На первой полосе, конечно же, было его имя, как и в каждом номере за последние два дня.

Мадам Стори зачитала заголовки:

«Грантленд прибыл в Чикаго вчера вечером».

«Накануне вылетел из Нового Орлеана».

«Ожидается, что сегодня утром самолет приземлится в лагере Таскер. Он облетел всю страну к востоку от Миссисипи чуть более чем за три дня. Испытание на выносливость, которое устроил себе этот смелый молодой летчик прошло блестяще».

«При каждом приземлении его встречали бурными овациями».

Тем временем несчастная старушка безутешно рыдала:

— Я обещала никому не рассказывать! Я обещала никому не рассказывать!

— Кому вы обещали? — спросила мадам Стори.

— Филиппе.

— Что ж, вам не стоит так сильно переживать, миссис Баттен. Если вы любите эту девушку, упоминание имени этого человека в деле нисколько не повредит её шансам.

Миссис Баттен теперь совсем забыла о мерах предосторожности.

— Но если вы его осудите, — всхлипнула она, — Филиппа все равно умрет.

— Ага! — тихо проговорила мадам Стори про себя. — Вот как обстоят дела.

Она странно посмотрела на старуху.

— Значит, это Грантленд?

Миссис Баттен вскинула руки вверх.

— Я не знаю! — воскликнула она, и, по крайней мере, этот крик прозвучал правдоподобно. — Я ничего не ела. Я не спала с тех пор, как это случилось. Я почти схожу с ума от мыслей об этом!

Мадам Стори шепнула мне на ухо, чтобы я позвонила в лагерь Таскер. Если мне удастся связаться с лейтенантом Грантлендом, я должна буду попросить его немедленно прибыть к

ней в кабинет по вопросу первостепенной важности, касающемуся мисс Филиппы Дин. Через открытую дверь я слышала, как она просила миссис Баттен простить ее за то, что так ее мучила.

— Но ведь вы пришли сюда с твёрдым намерением не говорить мне правду, — посетовала она.

Через несколько минут я смогла сообщить, что связалась с лейтенантом Грантлендом, который только что приземлился на самолете, и что он пообещал быть в кабинете мадам Стори в течение часа.

Миссис Баттен снова сидела тихо — молча и насторожено. Бедняжка... Теперь, когда все стало понятнее, нельзя было не восхищаться тем, как отважно она лгала, пытаясь спасти своих друзей.

— Расскажите нам о визите лейтенанта Грантленда, — ободряюще сказала мадам Стори.

— Здесь особо нечего рассказывать, — осторожно ответила она.

— Он пришел повидаться с мисс Филиппой?

— Да.

— Он уже бывал здесь раньше?

— О, да; несколько раз.

— Знала ли мисс Филиппа, что он придет в тот вечер?

— Да. Он позвонил незадолго до ужина. Попрощаться перед тем, как отправиться в долгий перелет.

— В какое время он пришел?

— Примерно в девять.

— Расскажите об этом по-своему.

Миссис Баттен покачала головой.

— Лучше вы меня спрашивайте, — попросила она настороженно. — Я не знаю, что именно вы хотите узнать.

Мы с мадам Стори улыбнулись, настолько очевидной была уклончивость этой старушки.

— Лейтенант Грантленд всегда прилетал на самолёте? — спросила моя работодательница.

— Нет, на самолете он прилетел впервые.

— Разве шум его двигателя не привлек внимание в доме?

— Нет; он выключил его и спустился бесшумно.

— Как он мог видеть, куда нужно приземлиться в темноте?

— Он прибыл как раз перед тем, как стало слишком темно.

— Но вы не видели из дома, как он приземлился?

— Нет. Он сел в верхней части поля, которое скрыто от дома деревьями вдоль ручья.

— Тогда как же ему удалось взлететь в темноте?

— У него было достаточно места, чтобы подняться — все поле.

— Но разве при запуске двигателя не раздавался громкий шум?

— Я не знаю. Мы этого не заметили.

— Вы пошли с ним встретиться?

— Я — нет.

— Мисс Филиппа пошла?

— Да.

— И привела его в дом?

— Да.

— Сразу?

Миссис Баттен стала сдержанной.

— Я не понимаю, какое это имеет...

— А в котором часу они пришли в дом?

— Около половины десятого.

— Как они вошли?

— Я выключила сигнализацию ипустила их через садовую дверь.

— Что же произошло потом?

— Ничего! — заявила миссис Баттен с таким видом, словно хотела сказать: «Вы от меня ничего не добьетесь!»

— А где они разместились в доме?

— Они зашли ко мне в комнату. Они всегда там сидели.

— Вы их оставили одних?

— Нет, я не ушла. Мисс, Филиппа всегда просила меня присутствовать, когда он приходил. Чтобы ни у кого не было повода для сплетен. Это показывает, какой она была девушкой!

— Весьма похвально. Продолжайте в том же духе.

— Рассказывать нечего. Мы сидели в моей маленькой комнате, в самой уютной и дружелюбной обстановке. Я не помню ничего конкретного из того, что было сказано. Даже если бы и вспомнила, я бы не стал рассказывать, потому что это были просто их личные дела. В десять часов я принесла небольшой ужин, который приготовила. Лейтенант всегда был голоден — прямо, как мальчишка. Вот и все.

— Когда он ушёл?

— В полночь.

— То есть, когда миссис Пур вернулась домой?

— Да.

— Как вы вывели его из дома?

Миссис Баттен снова напряглась.

— Никакого тайного выхода тут не было. Он вышел через ту же дверь, через которую вошел. Когда я подошла к входной двери ответить на звонок, то оставила дверь в коридоре открытой. Я включила свет в холле, давая им понять, что сигнализация отключена. Затем мисс Филиппа выпустила лейтенанта из заднего коридора в сад.

— Зачем нужна была вся эта секретность, миссис Баттен? К мисс Филиппе относились как к члену семьи.

Миссис Баттен чувствовала себя неловко.

— Ну, в этом, так сказать, не было необходимости, — призналась она. — Но кажется естественным, что молодые влюбленные хотят встречаться тайно, избегать разговоров и всего такого.

— И вскоре после ухода лейтенанта вы с миссис Пур обнаружили убийство?

— Да, но это не значит, что...

— Конечно, нет! До этого момента у вас самих не было никаких подозрений, что в доме произошла трагедия?

— Нет, конечно! Нет!

— После того как мисс Филиппа выпустила его, она, вероятно, вернулась через коридор. Это объясняет, как она оказалась так близко, когда миссис Пур закричала.

— Полагаю, да. Но в этом нет ничего плохого.

— Конечно, нет. Но почему она так много лгала, миссис Баттен? Почему она сказала мне, что весь вечер провела в своей комнате? Почему вы сказали мне, что были одни в своей комнате?

— Я не могла выдать, что она принимала его у себя.

— Почему бы и нет, если всё было вполне пристойно и открыто?

— Ну... ну, я обещала, что никому не скажу.

Моя работодательница некоторое время задумчиво молчала.

Миссис Баттен, наблюдая за ней, снова начала ерзать. Внезапно мадам Стори спросила:

— Миссис Баттен, знал ли лейтенант Грантленд, что Эшкомб Пур донимал мисс Филиппу?

— Нет! — выдохнула миссис Баттен, но испуганный взгляд, сопровождавший этот ответ, говорил сам за себя.

— Ну вот, миссис Баттен, вы опять врётё! Какой от этого толк, если ваше лицо — зеркало вашей души?

Маленькая женщина опустила голову.

— Да, он знал, — тихо сказала она. — Он слышал какие-то сплетни. Он был в ярости, когда пришел. Хотел ворваться прямо в библиотеку и серьезно поговорить с мистером Пуrom, «врезать ему как следует», — сказал он. Нам пришлось долго его успокаивать. Единственное, что на него повлияло, это слова мисс Филиппы о том, что скандал причинит ей вред.

— Но вы же его успокоили?

— Да. Нам вместе было очень хорошо и приятно. Потом мы поужинали.

Мадам Стори на мгновение замолчала. Ее серьезный и задумчивый взгляд, казалось, вновь вселил в пожилую женщину ужас. Миссис Баттен с трудом поднялась на ноги.

— Мне пора идти, — проговорила она дрожащим голосом. — Я слишком долго отсутствовала. Они не будут знать, что со мной случилось.

— Сядьте, миссис Баттен, — тихо произнесла мадам Стори.

Голос другой женщины снова стал повышаться.

— Я больше не буду отвечать на вопросы! — воскликнула она. — Ни на один! Я не могу! Я не в состоянии! Я не знаю, что говорю! Несправедливо постоянно меня донимать!

— Сядьте, миссис Баттен, — повторил серьезный голос.

Старуха плюхнулась в кресло и горько заплакала.

— Выходила ли мисс Филиппа из комнаты в какой-либо момент во время вашей вечеринки?

Очевидно, именно этого вопроса больше всего боялась миссис Баттен.

— О, зачем вы меня так мучаете? — воскликнула она.

— Вы же знаете, правда должна выйти наружу. Лучше расскажите мне, чем целой комнате людей.

Миссис Баттен сдалась.

— Да, выходила, — призналась она.

— Как долго её не было?

— Не знаю. Совсем немного. Не больше десяти минут.

— А лейтенант Грантленд хоть раз выходил из комнаты?

— Да.

— Как долго его не было?

— Он ушёл сразу после неё и вернулся чуть раньше неё.

— А! По какому поводу они вышли из комнаты?

— В кладовой зазвонил звонок. Я пошла посмотреть, что случилось. Индикатор показал вызов из библиотеки. Отвечать на звонок было не в моих обязанностях, но я пошла, потому что боялась, что если этого не сделаю, может выйти сам мистер Пур. Он сидел за письменным столом. Я подумала, что он немного выпил.

— Почему вы так подумали?

— Его лицо покраснело. Он выглядел раздраженным. Он сказал: «Пожалуйста, попросите мисс Дин помочь мне немного. Мне нужно отправить два или три важных письма, а у меня так сильно свело руку, что я не могу написать их сам».

— Вы поверили этому, миссис Баттен?

— Н-нет, мадам. У него был такой взгляд — это отвратительный взгляд для женщины.

— Что вы сделали?

— Ну, конечно, я ничего ему не могла сказать. Я просто ушла, как будто собиралась сделать то, что он хотел. Я вернулась в свою комнату. Я надеялась, что он забудет. Но по моему лицу они поняли, что-то случилось...

— Это открытое лицо! — пробормотала мадам Стори.

— И они не давали мне покоя, пока я не сказала, чего он хочет. Лейтенант снова вспыхнул и сказал, что ей не следует идти. Сказал, что сам пойдет и напишет его письма у него на лице. Но она уговорила его не идти. Она знала, как с ним обращаться. Она сказала, что должна пойти, чтобы избежать неприятностей. Она сказала, что с ней ничего не случится, пока лейтенант будет в доме и будет ее защищать. Поэтому она пошла.

— Одна?

— Да. Но когда она ушла, он не мог успокоиться. Несмотря на все мои попытки остановить его, он отправился за ней. Я осталась сидеть в своей комнате — беспомощная. Каждую минуту я ожидала услышать ужасную ссору, но все было тихо. Я едва могла это вынести. Я бы тоже пошла посмотреть, но мои старые ноги дрожали и не могли меня нести.

— Вы не слышали ни звука, пока их не было?

— Никаких, мадам.

— Но между вами и библиотекой было три тяжёлые двери.

— Дверь библиотеки оставалась открытой весь вечер.

— Но, возможно, тогда ее уже закрыли.

Миссис Баттен заламывала руки.

— Не может быть! Не может быть! — воскликнула она. — Эта молодая пара — такие гордые, такие красивые, так любят друг друга!

— Ну, убийство не всегда такое уж отвратительное преступление, — загадочно заметила мадам Стори. — Они вернулись вместе?

Старуха покачала головой.

— Он вернулся первым.

— Как он выглядел?

— Ничего необычного. Ничем не отличался от того, какой был, когда уходил.

— Вы имеете в виду, что у него было суровое и напряженное лицо?

— Да, но он всегда так выглядел, когда упоминалось имя мистера Пура.

— Что он сказал?

— Он спросил: «Где Филиппа?» Я лишь покачала головой. Он повернулся, чтобы пойти ее искать, но встретил ее, когда она входила в дверь. Они заговорили друг с другом.

— Что они сказали?

— Что-то шепотом. Я ничего не слышала.

Мадам Стори пристально посмотрела на маленькую женщину.

— Миссис Баттен! — предостерегла она.

Но на этот раз экономка смогла ответить на вызов. Она развела руки в жесте, который был не лишен достоинства.

— Я вам всё рассказала, мадам. Теперь вы знаете столько же, сколько и я.

— И после этого ничего не произошло?

— Нет, мадам. Мы сели ужинать. Имя мистера Пура больше не упоминалось.

— Это мог сделать любой из них, — задумчиво заметила мадам Стори.

Миссис Баттен вытерла быстро капающие слезы.

Глава 7

Лейтенант Грантленд прибыл незамедлительно, как только освободился.

Почему так получается, что летчики, или почти все летчики, — такие великолепные молодые люди? Полагаю, ответ достаточно очевиден: это молодые люди с блестящими глазами

и упругими телами, которых естественным образом привлекает воздух. Как бы то ни было, одного вида летчика достаточно, чтобы у девушки перехватило дыхание.

Что касается Джорджа Грантленда, то он был просто самым красивым молодым человеком, которого я когда-либо видела. Когда он вошел, мне сразу же захотелось хотя бы на секунду стать хорошенькой, чтобы привлечь его заинтересованный взгляд. Увы! Его глаза лишь скользнули по мне. В своей облегающей форме и плотных обтягивающих брюках он был грациозен, как Меркурий. Сейчас, то ли от усталости, то ли от тревоги — или и того, и другого, его щеки были впалыми и серыми. Но голубые глаза были решительными, и голову он держал высоко.

Можете себе представить чувства Эдди. Он в полном восторге привёл лейтенанта наверх, и теперь стоял прямо у двери, глядя на своего кумира и задыхаясь от волнения. Мне пришлось из всех сил вытолкнуть парня в коридор и закрыть за ним дверь.

Я отвела лейтенанта Грантленда прямо в комнату мадам Стори. При его виде взгляд ее, как и у любой женщины, озарился. Она сжалась надо мной и кивнула, разрешив остаться в комнате. Миссис Баттен, следует отметить, все еще была с нами. Мадам Стори отвела ее в заднюю комнату, чтобы она отдохнула и пришла в себя.

— Спасибо, что пришли так вовремя, — сказала мадам Стори, протягивая руку.

Молодой человек болезненно покраснел.

— Я не могу пожать вам руку, — прямо заявил он.

Брови мадам Стори поднялись.

— Почему? — спросила она, улыбаясь.

— Когда вы поймёте, вам не захочется пожимать мне руку.

Мадам Стори пожала плечами и улыбнулась ему с выражением лица, которое я не могла понять, — похожее на вопросительное.

— Ну, садитесь, — пригласила она.

Он не захотел.

— Спасибо, я не могу задерживаться.

— В любом случае, позвольте поздравить вас с успешным полетом.

Он поклонился. Мадам Стори продолжила:

— Моя секретарша сообщила мне, что получила от вас сообщение сразу после посадки. Я полагаю, что во время полета вы ничего не слышали о том, что здесь происходит.

— Ни слова! — сказал он. — Но в лагере Таскер все только об этом говорят. Я слышал там все.

— Тогда нам не нужно вдаваться в долгие объяснения, — продолжила мадам Стори. — Мне достаточно сказать, что помощник окружного прокурора Баррон обратился ко мне за консультацией по этому вопросу. Именно поэтому я здесь. Что касается моей секретарши, она знакома с деталями дела, так что можете смело говорить в ее присутствии. Я хотела бы задать вам несколько вопросов, если позволите.

— В этом нет необходимости, — заявил он, выпрямившись. — Это я убил Эшкомба Пура.

У меня сердце сжалось — не то чтобы я его винила, но от одной мысли о том, что этот великолепный молодой человек подвергнется суровому наказанию закона; его карьера будет разрушена; эта гордая голова будет унижена в тюремной камере! Не знаю, что почувствовала мадам Стори, услышав его признание. Ее взгляд ничего не выдавал.

— Я и представить себе не мог, что они осмелятся её арестовать, — продолжал молодой человек с дрожью в голосе, — или что мне вообще не стоило уезжать. Я никогда не прощу себе этого.

— Ну, садитесь, — повторила мадам Стори во второй раз.

Он покачал головой.

— Я направляюсь в полицейский участок, чтобы сдать властям.

— О, но не так быстро! — возразила моя работодательница. — Нужно учесть множество факторов. Познакомьтесь с мистером Барроном здесь. Вам это будет гораздо выгоднее.

— У меня нет желания идти на компромисс, — равнодушно ответил он.

— Тогда позвольте мне сдать вас. Если хотите, пусть это будет проявлением женского тщеславия. Я нашла вас первой. Позвольте именно мне передать вас в прокуратуру.

— Как вам угодно, — согласился он.

Повернувшись ко мне, мадам Стори сказала:

— Пожалуйста, позвоните в прокуратуру и сообщите мистеру Баррону, что в деле Эшкомба Пура появились новые важные доказательства. Спросите его, сможет ли он привезти сюда мисс Дин.

При словах «привезите мисс Дин» по лицу молодого человека пробежала болезненная дрожь.

— Вы думаете, он согласится? — засомневалась я, вспоминая прежние возражения мистера Баррона.

— То, что он сделал однажды, сможет сделать снова, — легкомысленно заметила мадам Стори. — Любопытство — это мощная, движущая сила.

Она добавила более тихим голосом:

— Миссис Пур находится в отеле «Мадагаскар». Попросите её тоже прийти. Тогда у нас будут все необходимые свидетели.

Затем она обратилась к летчику:

— Если вы приехали сюда сразу после приземления, значит, вы ничего не ели.

— Мне ничего не нужно, спасибо, — заверил он.

— Чепуха! Вас ждёт серьёзное испытание. Вы должны подготовиться к нему всеми возможными способами.

Короче говоря, я заказала еду на дом. Ее принесли после того, как я закончила звонить, и мы с мадам Стори позаботились о том, чтобы молодой человек отведал все, что хотел. Несмотря на свое положение, у него развился отличный аппетит.

В тот момент мне показалось, что мы относимся к нему скорее как к вернувшемуся блудному сыну, чем к признавшемуся убийце; но такая привлекательная внешность, как у него, была словно волшебный талисман, приносящий пользу своему обладателю. Какая разница любой женщине, что он сделал? Как же приятно было видеть, как к его щекам вернулся румянец. И как он был благодарен за сигареты!

Мистер Баррон привёз двух мужчин в штатском и мисс Дин на своей машине. Мы встретили их в приемной, и мадам Стори настояла на том, чтобы девушку пустили в ее комнату одну. Когда дверь открыли, и Филиппа увидела, кто её ждёт, у неё вырвался ужасный глухой крик, от которого у нас сжались сердца.

Мадам Стори закрыла за собой дверь, и никто так и не узнал, что произошло между этими двумя несчастными молодыми людьми. Пока мы ждали, мистер Баррон засыпал мадам Стори вопросами, на которые она с улыбкой отказывалась отвечать, лишь говоря:

— Поживём — увидим!

Они побыли вместе недолго. Лейтенант Грантленд открыл дверь в комнату мадам Стори. Его лицо было каменным. В кресле позади него девушка горько плакала. Казалось, они поссорились.

Он сказал мадам Стори:

— Мы не должны занимать вашу комнату.

Мадам Стори, мистер Баррон и я вошли. Моя работодательница, вопреки желанию мистера Баррона, настояла на том, чтобы люди в штатском остались ждать в приемной.

— Мне кажется, нас здесь достаточно, чтобы сорвать любую попытку побега, — сухо заметила она.

Позвали миссис Баттен. Она была очень удивлена, увидев Филиппу и молодого офицера, но Филиппа нежно поцеловала ее, а молодой человек пожал ей руку. Когда мы все расселись, помещение мгновенно приобрело вид зала суда.

Могу с уверенностью сказать, что каждый из нас — за исключением, возможно, моей невозмутимой работодательницы — дрожал от волнения. Наши лица были бледные с печатью тревоги. Мадам Стори сидела за своим столом, а я — на своем обычном месте по правую руку от нее. Мистер Баррон расположился слева, а напротив нас — именно в таком порядке — сидели мисс Дин, лейтенант Грантленд и миссис Баттен.

Прежде чем кто-либо успел что-то сказать, раздался стук в дверь, и, получив указание открыть ее, Эдди впустил плотно закутанную фигуру, которую все узнали как миссис Пур, хотя ее лицо было невидимо. Полагаю, Эдди отдал бы несколько лет своей молодости, чтобы ему позволили остаться, но взгляд мадам Стори заставил его вылететь за дверь. Мистер Баррон поспешил поставить стул для миссис Пур рядом с миссис Баттен. Молодой летчик встал и чопорно поклонился. Филиппа, болезненно покраснев, отвернула голову от новоприбывшей.

Мадам Стори произнесла голосом, лишенным всяких эмоций:

— Лейтенант Грантленд желает сделать заявление.

Летчик все еще стоял на ногах.

Он вытянулся по стойке смирно и произнес тихим, ровным голосом:

— Хочу заявить, что это я застрелил Эшкомба Пура.

Вдова вздрогнула.

Можно было представить себе пронзительный взгляд, которым она, должно быть, одарила говорившего сквозь вуаль.

Филиппа Дин закрыла лицо руками, а миссис Баттен начала громко плакать.

На лице мистера Баррона читались изумление и замешательство, а лицо мадам Стори напоминало маску.

— Пожалуйста, опишите обстоятельства дела, — попросила мадам Стори.

— Подождите минутку, — вмешался помощник окружного прокурора. — Моя обязанность — сообщить вам, то, что вы скажете, может быть использовано против вас.

— Я это прекрасно понимаю, — сказал Грантленд.

— Мне обязательно нужна запись его показаний! — взволнованно продолжал мистер Баррон.

— Мисс Брикли будет записывать все происходящее, — успокоила его мадам Стори. — пожалуйста, продолжайте, лейтенант.

Он говорил ровным, тихим голосом, глядя прямо перед собой, ни на кого из нас не глядя.

— Я пришел навестить мисс Дин, с которой был помолвлен. Мы находились гостиней миссис Баттен. Мистер Пур вызвал звонком миссис Баттен и попросил спросить у мисс Дин, не могла бы она написать ему несколько писем. Я слышал кое-что, и это заставило меня заподозрить, что просьба является всего лишь предлогом. В любом случае, в ее обязанности не входило заниматься его перепиской. Я не хотел, чтобы она уходила. Но она убедила меня, что ей будет лучше уйти. И она ушла. Но когда она вышла из комнаты, мне стало очень не по себе. Я последовал за ней. По коридору, через главный холл дома. В холле было темно.

Мужчина находился в комнате рядом с холлом — полагаю, это была библиотека. Дверь была открыта, и из холла я видел все, что происходило. Мистер Пур, с многочисленными извинениями, повторял свою просьбу к мисс Дин написать для него несколько писем. Он делал вид, что у него свело руку. Но он смотрел на нее так, что у меня кровь закипела. Думаю, он выпил. Я видел, что мисс Дин испугалась. Я уже собиралась вмешаться, но услышал, как она попросила разрешения выйти за платком, и выбежала вверх. Она не видела меня в коридоре.

Ну, я остался там и наблюдал за ним. Выражение его лица, когда он сидел и ждал ее возвращения, сводило меня с ума.

— Но он сидел спиной к залу, — перебила его мадам Стори. — Как вы могли видеть его лицо?

— Над камином висело зеркало, подвешенное под таким углом, что в нём отражалось его лицо.

— Но если вы могли видеть его, то, возможно, он видел вас?

— Нет, я стоял слишком далеко в темном холле.

— Продолжайте.

— Его лица выражало такое оскорбление, которое не мог вынести ни один мужчина. Я вошёл и застрелил его, вот и всё.

Филиппа Дин с трудом поднялась на ноги. Из её губ вырвался крик, который никто из нас никогда не забудет.

— Это неправда! Я это сделала! Он знает, что это я. Он пытается меня защитить!

Она не могла идти дальше, а стояла, изо всех сил пытаясь сдержать сухие рыдания, разрывавшие ей грудь. Никто из нас не пошевелился.

Грантленд не смотрел на нее. Было видно, что он не осмеливается.

— Она знает, что это был я, — произнес он бесстрастным тоном.

С огромным усилием Филиппа сумела отчасти восстановить контроль над собой.

— Послушайте! Послушайте! — отчаянно кричала она. — Сейчас я расскажу вам правду. Мистер Пур прислал за мной. Он попросил меня написать несколько писем. Он смотрел на меня так, что мне стало страшно — просто страшно. Я попросила разрешения выйти, чтобы взять платок. Я поднялась наверх. Но на самом деле, я пошла за пистолетом. Я так боялась, что они встретятся и... начнут драться. Я взяла пистолет и снова спустилась вниз. Я выстрелила в него. А лейтенанта Грантленда там вообще не было!

— Я там был! — воскликнул Грантленд. — Спросите миссис Баттен. Миссис Баттен, разве я не пошел за ней?

— О! О! О! — запричитала маленькая женщина. — Да, вы пошли за ней.

— А если меня там не было, откуда я мог знать о платке? — спросил он.

К этому времени Филиппа собралась с духом. Она бесстрашно посмотрела ему в лицо. Никогда ничего подобного я не видела: взгляд такой тяжелый, полный боли.

— Ну, если ты там был, то не стал ждать моего возвращения. Тебя ведь не было там, когда я вернулась, правда? Ответьте на этот вопрос.

— Не было, — признал он, — но...

Она не позволила ему продолжать.

— Зачем мне был платок в такой момент? Я пошла за пистолетом, взяла его, спустилась вниз и выстрелила в него.

— Вот так сразу, без причин? — в свою очередь потребовал ответа Грантленд.

— Нет. Сначала я села и приготовилась писать его письма. Но у него, конечно, не было писем для диктовки. Он положил руку мне на плечо, и я... я выстрелила в него.

— Как ты могла выстрелить ему в спину, сидя рядом с ним?

— Я обошла его сзади и выстрелила в него.

— Где у тебя был пистолет?

— Спрятан за поясом.

— На поясе твоего платья, в тот вечер, у не было застёжки.

— Фу! Что ты вообще понимаешь в таких вещах? Ты никогда не замечал, что на мне надето. Миссис Баттен, разве мое платье, которое я надела в тот вечер, не было застегнуто спереди на пуговицы?

Маленькая женщина была в полной растерянности.

— Да... нет... я не знаю, не помню! — причитала она.

— А теперь ответь мне! — воскликнула Филиппа, продолжая перепалку с Грантлендом. — Как ты мог войти в комнату, когда мужчина сидел там и смотрел в зеркало, ожидая моего возвращения?

— Я опустил на колени, скрылся из его поля зрения и прокрался внутрь.

Взгляд девушки метнулся к нему.

— Ты хочешь сказать всем этим людям, что ты, офицер в форме Соединенных Штатов, вполз на четвереньках, как бандит, и выстрелил человеку в спину?

Голова Грантленда опустилась на грудь; лицо покрылось темным румянцем, он стиснул зубы так сильно, что мышцы по обе стороны челюсти выпятились бугорками.

— Это правда, — пробормотал он. — Я видел в нем лишь дикого зверя, против которого любые меры были оправданы.

Девушка страстно обратилась к остальным.

— Посмотрите на него! Посмотрите на него! — воскликнула она. — Любой может увидеть, что он лжет!

Сцена того, как двое влюбленных допрашивают друг друга, смотрят друг на друга жесткими, враждебными взглядами, отчаянно пытаясь опровергнуть версию партнера, было самым странным и ужасным зрелищем, которое мне когда-либо доводилось видеть.

Молодой человек упрямо поднял голову, и его взгляд заставил ее опустить глаза. Он контролировал себя лучше, чем она.

— Твоя история не может быть правдой, — твердо заявил он. — Ты отстала от меня всего на полминуты, когда возвращалась в комнату миссис Баттен.

— Полминуты было достаточно, чтобы нажать на курок, — парировала она.

Грантленда осенила новая мысль.

— Ты никак не могла вернуться тем же путем, — заявил он. — Ты, должно быть, спустилась по задней лестнице. Сейчас я вспоминаю, что, войдя в комнату, ты появилась с задней стороны дома.

— Жаль, что тебе это раньше не пришло в голову, — презрительно проговорила она. — Твоя запоздалая память не обманет ни мадам Стори, ни этого джентльмена. В любом случае, это всё пустая трата времени. Ты не объяснил самое главное.

— Что? — угрюмо спросил он.

— Как ты раздобыл мой пистолет?

Она думала, что ей удалось его смутить, но он тут же ответил:

— Ты сама отдала его мне неделю назад, чтобы я его починил. Я его починил и собирался вернуть тебе в тот же вечер.

— Теперь я тебя поймала! — воскликнула девушка; ее глаза неестественно блестели. — Ты вернул мне пистолет за два дня до этого, и миссис Баттен присутствовала, когда ты передал его мне!

Она резко обернулась.

— Миссис Баттен, разве вы не видели, как он вернул мне пистолет за два дня до этого вечера?

Маленькая женщина, не в силах произнести ни слова, кивнула головой.

— Ну, кто же лжет? — воскликнула Филиппа.

Молодой летчик и на этот раз не дрогнул.

— Тот пистолет, который я дал тебе два дня назад, был не твоим, — спокойно сказал он. — Я взял его у продавца на время, пока твой был в ремонте. Я раздобыл его для тебя, так как, услышав кое-что, решил, что тебе не следует оставаться без средств самообороны.

— Почему ты мне всего этого не рассказал тогда? — спросила она.

— Потому что мне пришлось бы объяснять, зачем я купил тебе пистолет, и не хотел тебя без необходимости пугать.

— Прекрасная история! — сказала она, презрительно поджав губы, но ее уверенность уже пошатнулась. — А как насчет двух маленьких отметок на стволе, которые позволили идентифицировать пистолет как мой?

— Это личное клеймо продавца — для его собственной защиты. Оно стоит на всем оружии, которое проходит через его руки.

— Ну, если это действительно был мой пистолет — тот самый, из которого, ты, по твоим словам, застрелил человека, — то почему оставил его там, подставив меня под подозрение?

— Я думал, что для оправдания достаточно предъявить тот пистолет, который у тебя есть.

— Это неправда! Других не нашли! Другого не было. Зачем тебе вообще было оставлять там пистолет, чтобы устраивать неразбериху?

— Я думал, это расценят как самоубийство.

Филиппа вновь обрела уверенность.

— Ты рассчитываешь, что люди поверят, будто, обладая такими знаниями об оружии, мог выстрелить человеку в спину и заставить кого-нибудь подумать, что тот сделал это сам?

В голове Грантленда наблюдалась некоторая путаница.

— Ну, я был взволнован, — угрюмо произнес он.

— Нельзя всё предусмотреть. — Девушка презрительно улыбнулась. — Мне больше нечего сказать, — резко заявила она. — Этим людям не понадобится помощь в определении того, кто говорит правду.

Она села. Что остальные думали об этом признании и встречном заявлении, я сказать не могу.

Я поверила Филиппе, что она говорит правду. Лицо моей работодательницы было похоже на тонированную маску цвета слоновой кости.

— Вам есть что добавить? — спросила она Грантленда.

Он покачал головой.

— Мистер Баррон, вы хотите задать вопросы?

— Думаю, нет, — ответил он с непринужденным видом, не скрывавшим его триумфа. — Я не вижу причин менять свое первоначальное мнение. Мотивы лейтенанта Грантленда заслуживают уважения, но его рассказ просто не выдерживает критики. Отбросив все остальные соображения, нелепо предполагать, что после того, как он застрелил мужчину так, как описывает, он мог улететь и оставить двух женщин на произвол судьбы.

Филиппа с благодарностью посмотрела на него.

Какая странная, перевернутая с ног на голову ситуация, когда ей приходится благодарить его за то, что он выразил уверенность в ее виновности!

Моя работодательница сказала тем вкрадчивым тоном, который всегда предвещал опасность:

— Я вынуждена с вами не согласиться, мистер Баррон. Лейтенант Грантленд объяснил, как, по его мнению, он обеспечил безопасность мисс Дин. С другой стороны, невероятно предположить, что девушка, воспитанная в добрых традициях, после убийства человека, могла сидеть за ужином со своими двумя друзьями, как ни в чем не бывало. Мужчина, солдат, мог бы, но эта девушка — никогда! И после этого позволить ему, своему единственному защитнику, уйти, не сказав ни слова!

— Мне пришлось его отпустить, — всхлипывала Филиппа. — На кону стояла его репутация во время того полета!

В этот момент я заметила, что миссис Пур нервно постукивала ногой по полу.

В своем беспокойстве за двух молодых людей мне и в голову не приходило, насколько ужасным все это должно было быть для вдовы.

— Нет, — обратилась мадам Стори к мистеру Баррону, — вы оказали мне честь, обратившись ко мне за советом по этому делу. Я должна попросить вас арестовать лейтенанта Грантленда. Обязуюсь незамедлительно обосновать это решение.

Грантленд буквально сиял от радости, глядя на мою работодательницу. Мне было очень любопытно, что же она задумала. Бедная Филиппа, казалось, была на грани нервного срыва.

— Но как... почему... на каком основании? — недоуменно спросил помощник прокурора.

Следующие слова мадам Стори прозвучали, словно ледяные капли:

— В подходящий момент я представлю очевидца этого дела, который поклянется, что лейтенант Грантленд застрелил Эшкомба Пура.

— Вы лжете!

Этот крик — а это был именно крик — раздавшийся с нового направления, почти окончательно деморализовал нас. Все взгляды обратились к миссис Пур.

Она вскочила на ноги и откинула вуаль назад. Бледное, гордое лицо выражало сильное волнение, руки судорожно теребили лиф платья — она утратила над собой контроль; зрелище было ужасное.

— Это заговор! — пронзительно закричала она. — Чтобы подставить его — и с его же согласия! Они всё здесь подстроили сообща. Разве вы не видите? Вот почему нас сюда привели!

Мадам Стори повернулась к истеричной женщине с явным удивлением.

— Помилуйте, миссис Пур, а что вам об этом известно?

Под этим холодным взглядом женщина внезапно рухнула в кресло. Ее глаза наполнились ужасом. Резкий голос перешел в шепот.

— Конечно... конечно, я не знаю, — пролепетала она. — Я просто перенервничала. Всё это... всё это для меня слишком тяжелым. Я просто слишком взволнована. Прошу прощения. Я удалюсь... если кто-нибудь поможет мне дойти до машины.

Мистер Баррон попытался подойти к ней, но мадам Стори положила руку ему на плечо и многозначительно посмотрела на него. Он откинулся на спинку кресла, пробормотав:

— Боже мой!

Услышав от мадам Стори о новом свидетеле, Филиппа опустилась на стул. Маленькая миссис Баттен подбежала к ней и опустилась на колени рядом, обняв девушку.

Грантленд смотрел на миссис Пур со странным, растерянным выражением лица.

— Не уходите, миссис Пур, — тихо произнесла мадам Стори. — Помогите нам пролить свет на это запутанное дело.

Миссис Пур попыталась вновь облачиться в свой привычный наряд гордости и отстраненности, но это уже не помогало. Она дрожала под нашими взглядами, как обнаженная женщина. Мадам Стори продолжила:

— Как давно вы знакомы с лейтенантом Грантлендом?

— Примерно два года, — последовал ответ.

— Ах, это гораздо дольше, чем мисс Дин его знает, не так ли?

— Да.

— Мисс Дин встретила лейтенанта Грантленда в вашем доме?

— Да.

— Раньше вы проявляли большой интерес к лейтенанту Грантленду?

— Он мне нравился, если вы это имеете в виду. Мы были друзьями.

— Отличными друзьями?

— Это слишком расплывчатая фраза. Я дала ему совет, насколько могла, опираясь на свой богатый опыт.

— Как старшая сестра?

— Если хотите.

— Вы заметили какие-либо изменения в нем после того, как он познакомился с мисс Дин?

— Нет.

— Но он перестал к вам приходить?

— Ну да. Я стала видеть его реже.

— Но он всё равно приходил в ваш дом?

— Похоже, так и есть.

— Вы знали, что они помолвлены?

— Да.

— Откуда?

— Сплетни, слухи.

— Он вам не сказал?

— Нет.

Мадам Стори неожиданно повернулась к миссис Баттен.

— Миссис Баттен, — сказала она, — зачем лейтенант Грантленд тайно пришел к мисс Дин? Скорее, расскажите правду!

Маленькая женщина не смогла устоять перед этим резким приказом.

Она испуганно взглянула на свою хозяйку, и правда невольно вырвалась наружу.

— Она... она прониклась к нему симпатией. Они не хотели ее злить.

— Этого достаточно, — сказала мадам Стори.

Миссис Пур с трудом поднялась на ноги.

— Сплетни прислуги! — воскликнула она. — Это возмутительно! Я не собираюсь терпеть оскорбления!

Мадам Стори тоже встала и сказала тоном, в котором странным образом сочетались презрение и жалость:

— К чему это, миссис Пур? Вы перешли предел того, способна вынести женщина. Скажите помощнику окружного прокурора, кто убил вашего мужа.

Женщина, собрав последние силы, откинула голову назад и попыталась выдержать взгляд мадам Стори, однако ее пепельно-бледные щеки и дрожащие губы выдавали ее с головой.

— Откуда мне знать? — воскликнула она. — Как вы смеете говорить со мной таким тоном? Вы осмеливаетесь меня обвинять? О, это так смешно!

Её смех звучал шокирующе.

— Вы прекрасно знаете, что я выступала в клубе, когда это случилось. Сотни людей видели меня там. Я вернулась домой со своими слугами. Спросите их!

— Я всё это знаю, — проговорила мадам Стори с безразличным видом, — но это лишь начало истории. Садитесь, и я расскажу остальное.

Миссис Пур послушалась — просто потому, что ноги больше не держали ее.

До того, как мадам Стори продолжила рассказ, ее собеседница опустила вуаль на лицо. Ее пальцы судорожно вцепились в подлокотники кресла.

Мадам Стори села и достала из ящика стола несколько вещественных доказательств, связанных с делом. Кроме того, у нее была программа театрализованного представления, устроенного в клубе «Пудинг Стоун». Заглянув в нее, она начала свою речь:

— Ваше первое появление состоялось во второй сцене в роли «Голодающей России». Это было в девять пятнадцать. После того, как вы сошли со сцены, ваша служанка одела вас для вашего второго появления. Это заняло около двадцати пяти минут. Затем вы вышли в зал, чтобы посмотреть представление. Ваша служанка присоединилась к другим слугам в той части территории, которая была отведена для них. Вы сказали ей, что она вам больше не понадобится.

Пока все наблюдали за сценой, вы проскользнули в кусты, окружающие театр под открытым небом, и направились к своей машине. Вы — опытный шофер, как всем известно. Вы поехали домой. Вы въехали не через главные ворота, а через нижний вход, ведущий к служебной двери. К самому дому вы подъезжать не стали, а оставили машину сразу за воротами и пошли к дому пешком. Следы шин были обнаружены там, где вы загнали машину за ворота, а затем сдали назад, выезжая обратно на дорогу. Ее опознали как вашу машину по некоторым особенностям шин.

Вы подошли к одному из французских окон библиотеки — точнее, ко второму окну от входной двери. Чтобы дотянуться до порожка, вам нужно было сделать один шаг по рыхлой земле цветочной клумбы. Обернувшись, вы наклонились и рукой засыпали рыхлой землей след своей ноги. Но там осталась небольшая вмятина, и я, осторожно смахнув рыхлую землю, обнаружила отчетливый отпечаток вашей туфельки.

Предполагаю, что вы постучали в окно; ваш муж увидел и впустил вас, предварительно выключив сигнализацию. Это было примерно в десять часов, или как раз в то время, когда остальные три человека в доме сидели ужинать в комнате миссис Баттен. Возможно, вы заглянули в окно этой комнаты, проходя мимо по подъездной дорожке. Что вы сказали мужу, конечно, я не знаю. Думаю, вы объяснили свое неожиданное возвращение тем, что к вам поступила непредвиденная просьба о внесении взноса. Во всяком случае, он сел за письменный стол и достал чековую книжку. Когда он поставил дату на корешке, вы выстрелили ему в спину из пистолета мисс Дин, который ранее украли из ее комода.

По телу женщины в черном пробежала судорожная дрожь. Мадам Стори продолжила своим уверенным, тихим голосом:

— Вы обмотали правую руку, державшую пистолет, в несколько слоев шифонового шарфа. Это было сделано с двойной целью: скрыть оружие и приглушить звук выстрела. После совершения преступления вы сорвали эти обмотки, скомкали шарф и бросили его в огонь, который, по показаниям слуг, горел в камине. Но, должно быть, шарф, сгорая, развернулся. Во всяком случае, небольшой кусочек выпал из тлеющих углей и не сгорел. Вот он. Характерный запах пороха до сих пор слабо ощущается.

Главная трудность для меня заключалась в том, чтобы выяснить, как вы выбрались из дома. Я подозревала, что вы, должно быть, придумали какой-то способ включить сигнализацию за собой. Коробка для шпагата на столе мистера Пура дала мне ключ к разгадке. Она была пуста. Когда из такой коробки достают последний моток веревки, инстинктивное действие человека — немедленно положить туда новый, если он у него есть. В столе мистера Пура имелось несколько запасных мотков. Но коробка была пуста. Могу сказать, что впоследствии я нашла тот самый кусок бечевки, который вы вытащили из этой коробки; он валялся спутанным клубком у дороги, куда вы его бросили по пути обратно в клуб. Вот он.

Осмотрев сигнализацию, я во всём разобралась. В пол под выключателем была вбита крошечная скоба. Она всё ещё была там в девять часов утра после убийства, когда у вас не было возможности её вытащить. Вы привязали верёвку скользящим узлом к ручке выключателя, пропустили другой конец через скобу в полу, что обеспечило вам необходимое натяжение, тянущее ручку вниз. Затем вы протянули верёвку по полу и пропустили её через замочную скважину входной двери. Эта дверь запирается пружинным замком, и первоначальная замочная скважина не используется.

Вы вышли, закрыв за собой дверь. Первый легкий рывок за веревку включил сигнализацию — ручка выключателя легко сдвинулась. Второй, более сильный рывок, позволил разорвать узел, и вы протянули веревку через замочную скважину. Вы вернулись в клуб, прибыв туда с запасом времени к своему второму выходу в образе «Победы», назначенному в 10:50.

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Мы растерянно переглянулись, гадая, осмелимся мы поверить тому, что услышали. И вдруг на лицах двух молодых людей вспыхнула

радость — самое прекрасное зрелище, которое я когда-либо видела. Но я отвела взгляд. Мы все отвернулись. Мы услышали, как они выкрикивают имена друг друга.

— Филиппа!

— Джордж!

В это время мадам Стори сказала:

— Миссис Пур, разве факты не соответствуют тому, что я изложила?

Несчастливая женщина сидела, сжавшись в кресле, словно помешанная. Я была рада, что ее лицо было скрыто. Внезапно она выпрямилась и закричала:

— Да, это правда! Это правда! Я убила его! Я застрелила его, как вы говорите! Слава Богу! Я сказала это! Теперь я смогу спать!

Обретя дар речи, она уже не могла остановиться.

— Да, я убила его! Я убила его! — повторяла она снова и снова. — Я больше не могла этого терпеть! Я ни о чем не жалею! Кто меня осудит? Какую жизнь я вела? Какой женой я была? Предметом насмешек для собственных слуг! Никто никогда не узнает, что мне пришлось терпеть... О, я знаю, что они говорили: «Гордая, холодная миссис Пур, она ничего не чувствует!» Гордая! Холодная! Боже мой! Когда я сгорала изнутри! Когда я умирала тысячу раз в день! Что могут знать эти болтливые женщины о том, какие муки способна вынести такая женщина, как я!

Нам было невыносимо больно это слушать. Мадам Стори многозначительно посмотрела на мистера Баррона.

Он, чье отношение к миссис Пур за последние несколько минут сильно изменилось, теперь шагнул вперед и коснулся ее руки. Она отпрянула от него с резким, новым криком ужаса.

— Нет! Нет! Только не это! Только не это!

Снова отбросив вуаль, она повернулась к Грантленду с распростертыми объятиями.

— Джордж, не дай им забрать меня! — кричала она. — Джордж, помоги мне! Помоги мне!

Молодой человек подошел к окну.

Миссис Пур вывели; она все еще жалобно выкрикивала его имя. Мадам Стори быстро повернулась к миссис Баттен.

— Вы пойдете с ней? Ей нужна женщина рядом.

Это маленькое, но добродушное существо поспешило вслед за своей хозяйкой.

Грантленд вернулся к Филиппе. Взяв ее под руку, он подвел девушку к столу мадам Стори. После пережитого ужаса они были глубоко счастливы, казалось, им не нужно было разговаривать друг с другом; взгляды их говорили сами за себя. Молодой человек сказал моей работодательнице:

— Как мы можем отблагодарить вас?

Мадам Стори приняла нарочито суровое выражение лица, чтобы скрыть собственное волнение.

— Пустяки! Вы мне ничем не обязаны! Моей наградой стало то, что я сбила спесь с помощника окружного прокурора!

— Какая вы замечательная женщина! — вымолвила девушка.

— Все так говорят, — с сожалением отметила мадам Стори. — От этого я чувствую себя участницей циркового представления.

Филиппа посмотрела на своего лейтенанта.

— Какой же душой я была, поверив, что он мог это сделать!

Он оглянулся.

— Я был ещё большим дураком.

— Прекрасные лжецы, оба! — сухо возразила мадам Стори. — Вы не раз заставляли меня ломать голову. Как и все по-настоящему хорошие лжецы, вы держались близко к истине. Его история была правдива до того момента, как он сказал, что прополз в библиотеку на четвереньках. Тут вы, лейтенант, пожалуй, переборщили. На самом деле, когда Филиппа не вернулась, вы пошли искать ее в комнату экономки. Кстати, ход со вторым револьвером был мастерским.

Грантленд покраснел.

Мадам Стори повернулась к Филиппе.

— Вы говорили правду до того момента, как сказали, что достали пистолет из ящика. Конечно, его там не было. После отчаянных поисков вы боялись вернуться в библиотеку без него и прокрались вниз по задней лестнице, зная, что в любом случае будете в безопасности со своим молодым человеком.

Молодые люди с благодарностью попрощались с ней и вышли. Они составляли необычайно красивую пару. Мистер Баррон вернулся в комнату. Его поведение выдавало крайнюю скованность.

— Ах, я думала, ты ушел, — заметила мадам Стори.

— Нет, я отправил миссис Пур в город на её собственной машине с моими людьми. Сам поеду следом. Я хотел поговорить с тобой.

— Слушаю, — согласилась мадам Стори.

— Это личное дело, — сказал он, бросив на меня ядовитый взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.